

Р. КОННЕЛЛ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ*

Райен Коннелл (род. 1944) – современный австралийский ученый, известный специалист в области социологии и социальной теории. Большинство его работ посвящено проблемам социальной стратификации, власти и гендера.

Читателям альманаха «Вопросы социальной теории» предлагается перевод его статьи, опубликованной в журнале «Теория и общество» (Т. 35, № 2). Публикация производится с любезного согласия автора.

Данная статья ставит вопрос о социальной теории в двух аспектах: политико-географическом и социологическом. Р. Коннелл утверждает, что существуют две основных версии социальной теории – «северная» и «южная». «Северная» – это западноевропейская и американская («североамериканская»), которую как раз и представляют обсуждаемые здесь Дж. Коулмен, Э. Пидденс и (с некоторыми оговорками) П. Бурдьё, и «южная», представленная работами теоретиков стран «Третьего мира» или, в некоторых случаях, западными теоретиками, учитывающими интересы этих стран. Главная ошибка «северных» социальных теоретиков, по мнению автора статьи, – это недоучет специфики развивающихся и постколониальных государств и пренебрежение к работам ученых из этих стран. Другой серьезный просчет «северных» теоретиков – это конструирование социальной теории исключительно на историческом и эмпирическом опыте (Р. Коннелл это называет «большой этнографией») своих государств и регионов.

Р. Коннелл выделяет четыре основных признака (и одновременно недостатка) «северной» социальной теории: 1) «претензия на универсальность»; 2) диктат «Центра»; 3) указание на «исключение»; 4) «зачищение ненужных мест» («большое вычеркивание»). Все эти признаки, по мнению автора статьи, свидетельствуют о необоснованности попыток «северной» теории стать социальной теорией универсального, глобального порядка («глобальной» или «общей» социальной теорией), а также, – в той или иной степени, – о политической ангажированности самих «северных» теоретиков.

---

* Перевод выполнен по: *Connell R. Northern Theory: The Political Geography of General Social Theory // Theory and Society. Vol. 35. № 2. April 2006.*

Все ссылки, идущие под цифрами, принадлежат автору статьи; примечания переводчика отмечены звездочками.

Никогда не следует терять чувства реальности.

Франц Фанон.

На XIV Всемирном социологическом конгрессе Хайнц Зонтаг, бывший президент латиноамериканской социологической ассоциации, в своем сильно впечатлившем докладе указал на институциональное доминирование в мировой социологии ученых и исследователей из богатых стран «Севера», — который, как известно, выступает субъектом глобализации. С организационной стороны это означает, что внутри Международной социологической ассоциации (International Sociological Association), созывающей подобные конгрессы, в том числе среди авторов ее документов, так или иначе, воспроизводится доминирующая роль развитых государств «Севера»¹.

В чем можно бесспорно согласиться с Зонтагом, так это в том, что сама по себе профессиональная организация социологов не есть *корень проблемы*. Сквозь все системы высшего образования проходит глубочайшее международное неравенство ресурсов, которое, естественно, затрагивает и академические дисциплины. И глобальные неравенства есть инструмент, который в той или иной форме воздействует на *внутридисциплинарный* набор исследовательских проблем, имеющийся у каждого конкретного ученого.

На наш взгляд, настало время обратить внимание на основной элемент социологической дисциплинарной культуры (sociology's disciplinary culture) — общую социальную теорию. Социальная теория в основном создается на «Севере» с его экспансией в форме глобализации. Это, в принципе, хорошо известно, но, — кроме как в специализированной литературе по «постколониальной теории», — теоретический дискурс фактически не проводится. В результате, мы имеем один из некомфортных фактов «на кончике нашего носа», каковые (как замечал Джордж Оруэлл, критикуя современное ему политическое мышление) «рано или поздно, но все равно встанут перед нами»².

Мне хочется предложить исследовать этот *некомфортный* факт путем внимательного прочтения некоторых текстов, оказывавших наибольшее влияние на развитие общей теории. В поле моего исследования по-

---

¹ Sontag H. How the sociology of the North celebrates itself // ISA Bulletin. Vol. 80. 1999. P. 21-25.

² Moore-Gilbert B. Post-Colonial Theory: Contexts, Practices, Politics. London, 1997; Orwell G. In Front of your Nose: Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. IV. 1945-1950. London, 1968.

падут три наиболее значительных теоретика последней генерации – Джеймс Коулмен (James S. Coleman), Энтони Гидденс и Пьер Бурдьё. С этих позиций я сфокусирую свое внимание на книгах, наиболее ясно и отчетливо выразивших их теоретические устремления.

Конечно, небольшое число текстов не может представить социальную теорию в целом, но если мы будем рассматривать их под углом научного стиля авторов, то это даст неплохую отправную точку для старта. Все эти три ученых – представители разных стран, в свое время немало повлиявших на ход социологической мысли, и их работы сами по себе репрезентируют разнообразные (contrasting) стили теоретических работ, – один стиль представляет собой хорошо продуманную (tightly-knit) пропозициональную систему, другой основывается на хорошо разработанной системе категорий, а третий есть просто набор логических инструментов для практического анализа. Сверх того, все эти авторы уже заслужили репутацию ведущих социальных теоретиков. Их исследования, к примеру, обозначены в обзоре Чарльза Камика и Нила Гросса как «самые современные достижения (developments) социологической теории». Обращение к Интернет-источникам, включая электронные «Индексы цитирования», также подтверждает, что тексты этих авторов пользуется среди других ученых хорошей репутацией. В последние десять лет некоторые их труды упоминаются: «Устройство общества» Э. Гидденса 2279 раз, «Логика практики» П. Бурдьё – 1236 раз, и «Основания социальной теории» Дж. Коулмана – 1860 раз³.

Хотя это чтение вовсе не для *легкого времяпровождения*, общая (глобальная) социальная теория существует вовсе не для того, чтобы ей просто любовались; это всегда определенная гегемония в «сообществе социологии» (collective life of sociologists). Книги по общей социальной теории, дадут нам, сверх обычных ожиданий, представление о наиболее значимых характеристиках социального мира и о наилучшем способе их интерпретации.

Полагаю, что указанные выше авторы и их тексты помогут нам это сделать. Общая теория помогает социальным наукам стать движущей силой культуры. Но способы, которыми данная теория может развиваться, сильно ограничены. В этой статье я также подниму вопрос о *жанре* такой теории (и здесь эта проблема куда более важна, чем в частных теориях); вероятно, сам этот жанр нуждается в некоем переосмыслении, чтобы социальные науки могли играть большую, чем уже *имеющаяся*, роль в обществе.

---

³ Camic C., Gross N. Contemporary developments in sociological theory: current projects and conditions of possibility // Annual Review of Sociology. Vol. 24 (1998): 453-476; Web of Science: <http://www.isinet.com/products/citations/wos/>.

«Северный» выбор: «Основания социальной теории» Дж. Коулмана

«Основания социальной теории» Дж. Коулмана впервые были опубликованы в 1990 г. как работа, подводящая результат его весьма разносторонней интеллектуальной карьеры. Ее автор был в течение трех десятилетий ведущей фигурой в американской социологии, работая в таких разных областях, как молодежные исследования, количественная методология, проблема неравенства в образовании и теория рационального выбора. Вне социологии известность ему принес «Доклад Коулмена» по проблемам расы и школьного образования. Относительно же социальной теории Коулменом в его книге был впервые поставлен вопрос о ее *реконструкции* (re-making).

«Основания», возможно, единственная работа, которая пытается охватить всю социологию последних десятилетий *с птичьего полета*. Тысяча с лишним страниц этой работы можно воспринять как воистину *географический траверс* по всем крупным социологическим проблемам: от социализации и семьи к корпоративному менеджменту, государству и революции. Коулмен в каждой из глав показывает, как существующее социальное знание может быть переработано и представлено на универсальном языке рационального выбора и тех, кто непосредственно осуществляет данный выбор. В финальной части книги автор даже попытался представить математически формализованную модель самого *выборного* процесса, включающего в себя алгебраические модели социальных процессов, — вероятно, разработанные под сильным воздействием теории игр. Книга Коулмена была оценена рецензентами как самый значительный образец (piece) социального теоретизирования со времен «Структуры социального действия» Парсонса, а сам Коулмен охарактеризован как «выдающийся социальный мыслитель»⁴ (master of social thought) наравне с Вебером и Дюркгеймом.

Хотя у Коулмена вряд ли встречаются новые концепты, а «Основания» некоторым образом изолированы от других теоретических трендов в социологии, они чрезвычайно интересны, поскольку сама позиция автора представлена в стройном и ясном виде. Коулмен выступает здесь как активный защитник и практик методологического позитивизма, который господствовал в американской социологии, начиная с 30-х гг. XX

---

⁴ Abell P., “Review article: James S. Coleman, “Foundations of Social Theory” // European Sociological Review. Vol. 7. № 2 (1991): 163-172; Hechter M. “Review of James S. Coleman, “Foundations of Social Theory” // Public Choice. Vol. 73 (1992): 243-247; Fararo T. “Review of James S. Coleman, “Foundations of Social Theory” // Social Sciences Quarterly. Vol. 72. № 1 (1991): 189-190.

столетия и который несколько *сдерживал* развитие теории ради продвижения эмпирических исследований. Данный труд также можно рассматривать как некую «критическую точку» для эволюции всего позитивизма в социологической теории. Аргументы «Оснований» вполне соответствуют и духу сегодняшнего времени, — так как отражают доминирующую роль экономики в социальных науках и в сфере принятия политических решений. Модель Коулмена и его интерпретация социологической теории вполне соответствует и нынешней социологической дилемме маргинализации, сознательно ориентирующей социологию на роль науки-гегемона в социальном знании в целом⁵.

Задача работы

На главную цель своей работы Коулмен указывает уже в первом предложении: «Центральная проблема социальной науки заключается в объяснении функционирования ряда социальных систем». Подразумеваются *все* социальные системы, хотя поначалу обсуждаются только некоторые из них, — при этом Коулмен дает крайне *абстрактное, отвлеченное* определение социальной системы. Социальная система есть сеть индивидов, связанных различными взаимодействиями (transactions), вступая в которые, они должны удовлетворять собственные интересы, в то время как существуют другие индивиды, обладающие контролем над ресурсами, в которых первые индивиды нуждаются. Взаимодействие между индивидами и системой, их микро-макро связь, становятся ключевым (formative) вопросом для теории Коулмена; он также является в целом *центральным вопросом* для современного позитивизма⁶.

Отчасти следует заметить, что, вполне согласно общепринятой практике социологического теоретизирования, Коулмен допускает, что во взаимодействиях между индивидами и системой, в том числе в институтах власти, контроля, борьбы за ресурсы, не возникает никаких *коммуникативных проблем*; все это вполне соответствует эпистемологическим принципам позитивистской школы. При этом переход к обобщениям более высокого уровня, как утверждает Марио Леви, вполне может быть верифицирован эмпирически, и это всегда есть ключевая стратегия в позитивистском конструировании социальной теории. Мы также согласны с ним в том пункте, что главная задача Коулмена — это

---

⁵ Методологическая позиция самого Коулмена по этому вопросу выражена в одной из ранних его работ: *Coleman J. The Methods of Sociology in: A Design for Sociology: Scope, Objectives and Method* (By ed. R. Bierstedt), Philadelphia, 1969. P. 86-114.

⁶ *Coleman J. Foundations of Social Theory*. Cambridge, 1990. P. 1, 29.

разработать универсально применимые стратегии объяснения функционирования социальных систем⁷.

Два исходных пункта

Дж. Коулмен ясно и отчетливо фиксирует свой исходный термин: «индивид», также обозначаемый как «личность» или «естественная личность» (natural person). Он есть «элементарный актер» социальной теории, — по крайней мере, до того момента, когда в ней не будут введены «корпоративные акторы», — но последние, подчеркиваем, также будут выведены из «индивидуальных акторов». Ресурсы и права могут быть перемещены к корпоративным акторам, но *первыми* ими владеют все же индивиды. В одном из пассажей, проявляя свое красноречие, Коулмен настаивает на том, что даже в тех процессах, где суверенностью обладают коллективные общности, все равно «первоначальный суверенитет остается за индивидами»⁸.

Некоторые критики Коулмена, включая Найта Смелзера, указывали на *самопротиворечивую* попытку сконструировать *социальную науку* из совокупности поступков индивидуальных акторов как на слабость его работы. Позиция Коулмена, по мнению Смелзера, может быть легко подвергнута критика за ее «избыточный» индивидуализм, — дух Дюркгейма здесь чувствуется даже на расстоянии, — но это есть в некотором роде *противовес* другой крайности Коулмена: в некоторой части его методология выступает как *институционалистская*. Последнее, в частности, заметно тогда, когда Коулмен исследует процессы объединения индивидов в социальные группы⁹.

Наиболее значительной проблемой у него стало определение «природы индивида», чья деятельность является объектом изучения в социальных теориях. Коулмен крайне критично оценивает «интеллектуальный разброд» (intellectual disarray), вырастающий из всего бесконечного разнообразия антропологических концепций социальных теоретиков:

«Правильный путь для социальной теории — это всегда наиболее *трудный* путь: необходимо опереться на одну-единственную из множества концепций, где индивиды, с одной стороны, подобны друг другу и способны создавать расходящиеся траектории поведения, но с другой стороны, эти траектории определяются отнюдь не их *разнообразной* антро-

---

⁷ Levy M. Scientific Analysis as a Subset of Comparative Analysis in: Theoretical Sociology (Ed. by McKinney J. and Tiryakin E.). New York, 1970. P. 100; Methodology in Social Research (ed. by Blalock H. and Blalock A.). New York, 1968.

⁸ Coleman J. Op. cit., P. 3, 32, 367, 493, 531.

⁹ Smelser N. Can Individualism Yield a Sociology? // Contemporary Sociology. Vol. 19. № 6 (1990): 778-783.

пологической природой, а *различными* структурами отношений, посредством которых эта природа выражает сама себя»¹⁰.

На какую же антропологическую концепцию опирается сам Коулмен? Когда мы пытаемся разобраться, что есть «естественные индивиды» в его работе, становится ясно, что они весьма специфичны по своей природе. Они преследуют собственные интересы, способны по-утилитаристки подсчитывать собственные выгоды и издержки, заключать сделки, передавать и получать права, совершать целенаправленные поступки с четко обозначенными целями. Короче, они все время ведут себя подобно предпринимателям на рынке. Олаф Дальбек резюмирует это следующим образом: теория Коулмена утверждает, что «индивиды по своей изначальной природе рациональны и даже эгоистичны»¹¹.

Однако это вовсе не должно удивлять. Точно такая же модель человека заложена в маржиналистской экономической науке, — откуда, собственно, Коулмен ее и заимствовал. Такая маржиналистская модель, кстати, используется Коулменом как аргумент в формализованных моделях социального обмена, изложенных им в пятой части его книги (эта часть называется «Математика социального действия».

Но все это указывает на тот факт, что Коулмен не совсем точен в обозначении им индивида как «краеугольного камня» его теории. Равным образом, роль такого «камня» играет концепт «рынка», — социального института, придающего специфическую особенность каждому индивиду. Коулмен гораздо более «социологичен» в анализе причинных связей в социальной реальности, чем он сам даже готов допустить.

Коулмен хорошо осознает, что есть множество социальных ситуаций, которые не подобны конкурентному рынку, — например, отношения «господства — подчинения» (authority relations). Но он последовательно анализирует не-рыночные структуры, привнося в них «сеть независимых индивидуумов», которые в основном складываются из рыночных акторов, расчетливых и «торгующих» между собой. В этом отношении его социология вполне современна. Это — грандиозное обобщение картины социальных отношений с точки зрения сегодняшнего неолиберализма¹².

Теоретическая стратегия

Коулмен следует освященной веками стратегии движения от (очевидно) простого объекта к (очевидно) сложному для изучения феномену.

---

¹⁰ Coleman J. Op. cit. P. 197.

¹¹ Dahlbäck O. Review of James Coleman "Foundations of Social Theory" // Acta Sociologica. Vol. 34 (1991): 139-140.

¹² Coleman J. Op. cit. P. 66.

Такой подход цементирует теоретическую архитектуру всей его книги, и точно так же он качественно скрепляет внутри себя отдельные аргументы автора. Например: «социальные отношения [как минимум] двух человек представляют собой “строительный блок” социальной организации». Это позволяет Коулмену начинать исследование проблемы с предельной абстракции и упрощения, затем конструировать уже более сложные теоретические положения, а в конце сравнивать между собой конечный теоретический результат и реальные социальные явления¹³.

В качестве иллюстрации можно привести то, как Коулмен рассматривает проблему палестинского сопротивления израильской оккупации. Он исследует сам процесс сопротивления как пример взаимоотношения между фрустрацией и «революционным порывом» (the outbreak of revolutions). Это взаимоотношение не поддается для Коулмена *никакой рациональной интерпретации*. Автора здесь не интересует вопрос взаимодействия ислама с европейским миром и все вытекающие из этого последствия. Это просто пример *отношения*. Это просто событие некоего отрезка истории, *равное* другому событию другого отрезка истории. Теоретическая стратегия Коулмена ведет его к последовательному «вычленению» (disembedding) конкретных исторических событий из их исторической «скорлупы»¹⁴.

В противоположность текучему историческому времени, аргументация Коулмена имеет дело с абстрактным, застывшим временем. Процессы следуют один за другим, но вне конкретных исторических дат. Иначе они «вырываются» из исторического времени в определенном порядке, и предстают, например, как кривые безразличия формализованных «линейных систем поступков». Говоря другими словами, в позитивистской теоретической стратегии история трактуется как нечто гомогенное и некумулятивное, т.е. не способное накапливаться. Исторические события не меняют логическую структуру более поздних процессов, здесь не прослеживается традиционной исторической диалектики смены настоящего будущим. (Подобное, правда, допускается Коулменом в отношении мира модерна; об этом см. ниже¹⁵.)

Место действия

Согласно Коулмену, социальные акторы энергично перемещаются, осуществляют расчеты, обмениваются и вступают в различные сделки между собой, — но делают это отстраненно и безразлично, чем-то напо-

---

¹³ Coleman J. Op. cit. P. 43.

¹⁴ Coleman J. Op. cit. P. 484-486.

¹⁵ Coleman J. Op. cit. P. 30, 190, 213 etc.

миная актеров из плохонького провинциального театра. И потому неудивительно, что коулменовские модели социальных действий весьма похожи на учебные диаграммы, используемые в театральных или музыкальных студиях для начинающих артистов. Всему этому причина — *антиисторический* (ahistorical) подход автора. Сети социальных взаимодействий должны быть соотнесены с их исторической реальностью, а не располагаться в некоем, пусть даже подвижном, беспорядке. Теоретическая логика не будет работать, если актеры играют новую пьесу, а сама сцена загромождена реквизитом от предыдущих спектаклей, и там же, мешая актерам, бегают статисты этих спектаклей.

Другая метафора, описывающая излюбленный метод Коулмена: каждый значительный шаг в его аргументации есть своего рода «строительство» социальной системы при помощи «строительных блоков». Его теория предполагает точный расчет процесса такого «строительства», однако совершенно неясно «место», где подобное «строительство» происходит. В его книге нет даже *названия* для такого «места строительства», и куда поместить точно коулменовскую «сеть независимых индивидов», мы даже примерно не представляем. Как я покажу позже, мы все же можем точно обозначить само такое «место», но сделать это возможно, лишь выйдя за пределы книги Коулмена¹⁶.

Набег на историю

Теоретическая стратегия Коулмена, несмотря на все ее деривации и формализации, в значительной степени основана на «очевидности». Таков был ключевой пункт социологического позитивизма поколение назад, но, тем не менее, между Коулменом и этим позитивизмом есть определенная дистанция. Дело в том, что Коулмен никоим образом не использует ни метод верификации, ни метод фальсификации. Но при этом он последовательно *иллюстрирует* свои аргументы. Подобными иллюстрациями живо наполнена вся его книга¹⁷.

Принцип, утверждающий всеобщую применимость теоретического знания, позволяет Коулмену, с его точки зрения, глубоко проникать в историческое знание в поисках подходящих примеров. Последние берутся отовсюду: современной американской демографии, военной истории, истории транснациональных корпораций, американского среднего образования, истории «Компании Южных морей», студенческих демонстраций, средневекового землевладения Европы, конституции СССР, ис-

---

¹⁶ Coleman J. Op. cit. P. 66. Примеры диаграмм: P. 889.

¹⁷ Значение метода верификации в социологии: Zetterberg H. On Theory and Verification in Sociology. Bedminster, 1963.

тории профсоюзов печатников, процесса охоты эскимосов на белого медведя и еще из многих иных *историй*. В этом отношении «Основания социальной теории» поразительно *традиционны*. Это примерно такой же способ иллюстрирования, какой был в книгах Вильяма Самнера перед Первой мировой войной, — хотя я допускаю, что книги Самнера были куда более богаты этнографическими деталями и зарисовками¹⁸.

Все это возвращает нас к проблеме *гомогенности* данной работы Коулмена. Подтверждающие примеры, взятые откуда-нибудь и примененные где-нибудь, *ничего не подтверждают*. В значительной степени их можно рассматривать как *плод творческого воображения* автора. Текст «Оснований» воспринимается не как текст теоретической работы, описывающий *реальный социальный мир*, а как текст, описывающий социальный мир, — как он представляется самому Коулмену, — согласно его *социологическому воображению*.

Приведем несколько примеров, чтобы почувствовать такую разницу. Многие из примеров, приводимых Коулменом, есть *беспроblemные* иллюстрации жизни Северной Америки и Европы двадцатого столетия. Другие, к примеру, относятся к «примитивным обществам», или «примитивным кланам», или просто к «народам». Позднее в своей книге, с некоторым оттенком развлекательности, он приводит иллюстрацию того, как в бедуинских племенах Сахары жена бедуина несет тяжелое бремя домашних работ, — в то время как ее муж участвует в скачках на празднике, и иронически сравнивает положение этой бедуинской супруги с *тяжелым бременем* американской женщины: она обсуждает вместе с мужем вопрос о том, какой марки и модели должно быть семейное авто. Чуть раньше, возникают еще две «развлекательных» иллюстрации: «номадические племена Сахары» делят свои права на верблюда, и эскимосы обсуждают то, как им разделить между собой тушу убитого ими белого медведя¹⁹.

Работа Коулмена вся наполнена такими примерами, и это нарушает ее общую теоретическую гомогенность. И проблема не только в *экзотике иллюстраций*. У автора «Оснований» это есть некий принцип подкрепления теоретического материала эмпирией, — принцип, который отправляет нас к ныне далеко ушедшим временам *созревания* социологического знания.

Современность

В двадцатой главе своей книги Коулмен открывает дискуссию о «современном обществе» (*modern society*). Отличительную черту такого об-

---

¹⁸ *Sumner W.G. Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals. Boston, 1906.*

¹⁹ *Coleman J. Op. cit. P. 59, 325, 480, 607, 783.*

щества Коулмен видит в доминировании «целесообразно сконструированных» (*purposively constructed*) отношений над «природными» отношениями. По его мнению, «современное общество» есть продукт «долговременного исторического развития, в котором первоначальная, естественная среда была замещена целесообразно сконструированной средой. Это изменение есть изменение одновременно и физической, и социальной составляющей»²⁰.

Современное общество также характеризуется господством «новых, целесообразно действующих корпоративных акторов» над «первоначальными узами (*ties*) и «над старыми корпоративными акторами, базирующимися на этих узах (семьей, кланом, этнической группой, общиной)»; современное общество при этом следует рассматривать как продукт последних нескольких столетий.

Здесь Коулмен воспроизводит аргументы своей ранней книги «Асимметричное общество». Главная ее мысль, — и это было отчасти повесткой дня для всей социологии, — заключалась в следующем: исчезновение «первоначальных уз» ведет к глубокому кризису общества, — здесь подход Коулмена, очевидно, родственен известной «теории рационализации» М. Вебера. Этот пункт, — глобальное противопоставление друг другу «современного» и «примитивного» обществ, — кстати, еще раз сближает между собой социальную теорию Коулмена и другие социологические теории. «Этнографический подход», как одна из характеристик «эволюционной», спенсеровской социологии XIX столетия постоянно воспроизводится Коулменом как его ответ критикам «Оснований», — причем Коулмен непременно подчеркивает «фундаментальную структурную разницу между ныне существующими обществами и теми, что были до них»²¹.

Коулмен не обсуждает проблему «капитализма», поскольку он не имеет своей теории «трансформации» общества. Он вообще сваливает государство и любые иные ассоциации в одну кучу, отождествляя их между собой и противопоставляя «семье». Такой подход опять-таки в большей степени напоминает Спенсера, чем Вебера. «Современность», по мнению Коулмена, есть одновременно результат деятельности целесообразно действующих корпоративных акторов (больших организаций) и продукт распада старых институтов. В результате, получается текучий мир «свободных состояний» корпоративных акторов без фиксированных структур, жестко структурирующих «естественного, природного челове-

---

²⁰ Coleman J. Op. cit. P. 552.

²¹ Coleman J. *The Asymmetric Society*. Syracuse, 1982; Coleman J. *The Problematics of Social Theory*. Vol. 21. № 2. 1992. P. 263-283.

ка» и «корпоративного актора». Фактически, это наш старый добрый друг, рыночное общество. Таким образом, теоретическая концепция Коулмена как бы возвращается к исходной точке²².

Карта мира

Экзотические примеры часто попадают в самую точку. «Примитивные племена», где соплеменники охотятся на белых медведей, кастрируют верблюдов или похищают чужих жен, находятся за пределами модерна.

Есть пара иллюстраций в книге Коулмена, где пределы модерна ощущаются будто бы «вживую». Например, это обсуждение палестинского восстания. Палестинцы, которые вроде бы стали соучастниками «процветания» израильской экономики, вдруг повернули против Израиля и стали бросать камни в израильтян и устраивать им поджоги. Но Коулмен игнорирует здесь проблему «столкновения культур» и разворачивает свой исследовательский интерес исключительно в рамках теории «фрустрации и революции».

Хотя произведенное Коулменом исследование «основных принципов» социальных систем не вызывает особых возражений (при этом следует учесть, что над коулменовскими моделями социальных контрактов висит явный призрак Парсонса), автор признает, что многие из этих «принципов» носят явно «принудительный» характер для самих акторов. Коулмен обозначает такие случаи как «разъединенные базовые принципы» (*disjoint constitutions*): здесь сеть акторов создает некие установления, которые «вызывают насилие в отношении другой сети акторов». Это может прозвучать для читателя как определение «империи» или, к примеру, как методы принудительного воздействия банков США и МВФ на латиноамериканскую экономику. Но Коулмен приводит в пример сталинскую Конституцию 1937 г., посредством которой рабочий класс в СССР якобы присвоил себе все выгоды, которые страна получила, уничтожив в короткий срок эксплуататорские классы²³!

Анализ Коулмена очевидно игнорирует исторические условия образования империй и иной возможный опыт глобального доминирования. Он ни разу не упоминает о «колониях» вообще. О другом важнейшем социальном институте — «рабстве», — Коулмен пишет крайне скупое, главным образом в терминах тех *ментальных проблем*, которые создает рабство для теории взаимовыгодного обмена между акторами (*достопамятное* решение Коулмена заключается в том, что рабу в принципе выгодно его рабство, поскольку это есть альтернатива его смерти)²⁴.

---

²² Coleman J. Foundations of Social Theory. P. 579.

²³ Coleman J. Op. cit. P. 327-328.

²⁴ Coleman J. Op. cit. P. 86-88, 327.

Несмотря на большие амбиции теории Коулмена, его «Основания» в целом упускают или неверно интерпретируют многие факты истории человечества, и даже игнорируют последние достижения социальных наук. Итог — *поразительная асимметрия* в результатах, которая, как мы видели, не является для Коулмена чем-то из ряда вон выходящим.

Итоги

Общие контуры социальной теории Коулмена можно выразить примерно следующим образом: эта социальная теория описывает картину социальных взаимодействий на опыте последних столетий Европы и, в первую очередь, Северной Америки, гипертрофируя институт рынка в целом. Ключевая модель этой теории предполагает абстрактный, внеисторический подход к «месту действия» и его «времени». Теоретическая стратегия Коулмена гомогенизирует историю, упрощает конкретные исторические события и исторический опыт в целом, хотя и допускает линейные нарративы модернизации. Все это свидетельствует о том, что Коулмену очень трудно «разглядеть» типы обществ и институтов, отличных от его североамериканских аналогов, включая сюда также понимание того, что есть так называемое «примитивное общество». Такая форма теоретизирования делает теоретическую стратегию автора *универсальной* и претендующей на *всеобщий, глобальный охват социальных систем и процессов*. В результате, рыночное общество и индивидуализированный социальный обмен становятся «стандартами» для понимания всех социальных процессов.

Мир галантных акторов*: «Устройство общества» Э. Гидденса

В 1984 г. состоялась публикация работы Энтони Гидденса «Устройство общества» с подзаголовком «Очерк теории структуриации». Сам текст работы явился итогом очень долгого теоретического исследования. Поначалу он разрабатывался в «Новых правилах социологического метода», где Гидденсом исследовались проблемы «практического действия» (practical action). Затем последовали «Ключевые проблемы социальной теории», где подход Гидденса расширился до вопроса о взаимодействия «действия» и «структуры», а затем еще — «Современная критика исторического материализма», где Гидденс подверг жесткому критическому разбору марксистскую концепцию общества и истории, одновременно выдвинув ей свою собственную альтернативную концепцию²⁵.

---

* Буквально в тексте: «agents of the gavotte» — люди, танцующие гавот. — *Прим. переводчика.*
²⁵ Giddens A. New Rules of Sociological Method. London, 1976; Giddens A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London, 1979; Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. I. Power, Property, and the State. London, 1981.

«Устроение общества» суммировало все эти три предыдущие работы в зрелую теоретическую концепцию структуриации, — с детальным анализом основных пунктов и добротными иллюстрациями. Как некий бонус, Гидденс прибавил к большинству глав краткие эссе («критические замечания») о других известных социальных теоретиках, написанные в стиле еще его одной известной работы — «Очерки и критические статьи по социальной теории», — работы, где объяснялось, насколько работы каждого из этих теоретиков соответствуют тем или иным пунктам теории структуриации. Все теории этих авторов, — по классификации Гидденса, — обсуждались как «первый мир» теорий²⁶.

Задача работы

Цель Гидденса, — если брать всю совокупность его теоретических работ, — это полностью *перевоссоздать* современную ему социальную теорию, «примирить» существовавшие до того в ней интеллектуальные традиции и сконструировать ее не только как социальную теорию, но и как мощный концептуальный «каркас» для социальной критики и эмпирических социальных исследований. В этот колоссальный социальный проект Гидденсом были вовлечены все последние достижения социальной мысли, — за исключением, пожалуй, работ Юргена Хабермаса. В целом сам проект получился даже *шире* по охвату социальной мысли, чем проект Бурдьё, и интеллектуально *глубже*, чем проект Коулмена. В своем «Устроении» Гидденс тщательно исследует и определенным образом ранжирует различные исследовательские традиции, начинания от психоаналитической теории доверия и кончая гоффмановской анатомией «встреч» (encounters), исследует такие различные проблемы как «генезис государства», «инновационные тенденции в географии», «эмпирическая социология образования», постоянно по ходу работы используя идеи Парсонса, Блау и Фуко.

Огромный массив ссылок делает труд Гидденса необычайно *широким* по охвату. С самого начала своего труда автор заявляет:

«Согласно нашей теории, предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени. Быть человеческим существом, значит, являться целеустремленным деятелем, который одновременно осознает причины собственной деятельности и способен в случае необходимости детально развить и конкретизировать их (в том числе и ввести в заблуждение)»²⁷.

---

²⁶ Giddens A. A Profile and Critiques in Social Theory. London, 1982.

²⁷ Giddens A. Op. cit. P. 35 (Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 40-41).

Исследовательское поле теории, очевидно, ничем *не ограничено*. Оно нацелено на социальные практики и на поступки индивидов *в целом*. Теория структуризации стремится охватить *все* социальные отношения, *все* социальные структуры и *все* общества. Потому Гидденс по ходу дела углубляется и в историю конфуцианского и неоконфуцианского Китая, и в историю махинаций лондонского Сити, и в историю автомобильных заводов, и в историю концентрационных лагерей. Поскольку теоретические построения Гидденса, точно так же как и построения Коулмена, касаются всех возможных социальных взаимодействий, автор «Устроения» не стесняется использовать в том числе *идеализированные*, реально несуществующие социальные объекты²⁸.

Однако, подобно Коулмену, он почему-то почти не пользуется примерами, взятыми из стран «Третьего мира». Возьмем, к примеру, обсуждение Гидденсом проблемы «автономии» во второй главе его книги. Здесь Гидденс использует в качестве аргумента для своих тезисов психоаналитическую модель развития личности Эрика Эриксона; но при этом им совершенно игнорируется другая известная теоретическая концепция Эриксона – «кросс-культурный анализ», – дополняющая его психоаналитическую модель личности и разработанная им в книге «Детство и общество». Как результат, используемая Гидденсом модель развития личности абстрактна и бесцветна, – и имеет мало общего с современной социологией детства, которая подчеркивает принцип множественности и разнообразия в применении к конкретным моделям развития личности²⁹.

Теоретическая стратегия

Во «Введении» Гидденс, определяя задачу своего труда в отношении истории философии и социальной теории, применяет термин «лингвистический поворот». Он постоянно *стремится переложить* широкоупотребимые социологические и психологические понятия на собственный язык «теории структуризации», – точно так же, как Коулмен пытался переписать всю бывшую до него социологию на «язык рынка и рационального выбора»³⁰.

Гидденс также пытается различными способами преодолеть существующие дихотомии в современной социальной теории. В основном, правда, это касается второстепенных вопросов, но, например, дилемма «объективизм – субъективизм» (позаимствованная Гидденсом из трудов Бурдьё) имеет немаловажное теоретическое значение. Эта дилемма у Гидденса

---

²⁸ Giddens A. Op. cit. P. 62, 128, 165-168, 319-326.

²⁹ Erikson E. Childhood and Society. London, 1950.

³⁰ Giddens A. Op. cit. P. 193.

трансформируется в базисный принцип его социальной теории – принцип «дуальности структуры», – принцип, который описывает *конечный результат* самого процесса структурирования, – структурирования, которая, по определению Гидденса, есть «структурирование социальных отношений посредством пространства и времени». Таким образом, ключевое понятие социальной теории Гидденса выводится не из исследования каких-либо социальных проблем, кризисов или трансформаций, а формулируется как некий продукт уже имевшихся профессиональных социологических исследований, – своеобразная рефлексия вглубь европейского и североамериканского интеллектуального прошлого³¹.

Поистине необъятный объект исследования и настойчивое намерение Гидденса переписать все существовавшие до него работы еще более абстрактным и отвлеченным от реалий общественной жизни языком составляют весьма характерные черты его работы. Автор «Устроения» в основном либо дает критические комментарии к трудам уже известных теоретиков, либо исходит *лавинообразным* потоком дефиниций и новых, оригинальных концептов. Даже такой известный обозреватель, как Джонатан Тернер, как только ознакомился с «Устроением», сразу же отметил, что произведение Гидденса излишне перегружено различными дефинициями. С этим легко согласится, если посмотреть глоссарий в конце «Устроения»³².

Теоретическая стратегия Гидденса в чем-то противоположна стратегии Коулмена: последний в своем капитальном труде обошелся весьма малым числом категорий. Размашистые теоретические построения Гидденса будто специально создаются для того, чтобы изначально восполнить возможные пробелы в его исследовательском поле. Результат очень часто бывает одновременно и интересным, и банальным, – например, его модель социальных изменений, декларируемая автором как эффективная в своем применении чуть не для каждого исторического события, на деле почти ничего не добавляет к их анализу³³.

Всезнающий актер*

Где Гидденсу вроде бы удалось избежать *банальностей*, и где его теоретическая стратегия *кажется* в наибольшей степени эффективной и даже по-своему *велеречивой*, так это в «теории акторов» (theory of agents).

---

³¹ Giddens A. Op. cit. P. 26, 162. 376.

³² Giddens A. Op. cit. P. 31, 35, 176, 244; Turner J. Review Essays: the Theory of Structuration // American Journal of Sociology. Vol. 91. № 4. P. 969-977.

³³ Giddens A. Op. cit. P. 244.

* Буквально: «knowledgeable agent» – всезнающий агент. – Прим. переводчика.

Актеры у Гидденса не только *активны*, как у Коулмена и Бурдьё, но также обладают *совершенным и полным* знанием, — постигаемым ими также сквозь собственную практическую деятельность:

«То, что действующие субъекты (или актеры) могут сообщить относительно обстоятельств и условий своей деятельности и деятельности окружающих их людей, будет носить ограниченный характер, если исследователи не постигнут и не отдадут дань уважения возможной многозначности ряда дискурсивных явлений, — тех, которым они (как, впрочем, и сами социальные актеры), безусловно, уделяют пристальное внимание, но которые зачастую недооцениваются в социологических исследованиях... Если то, что субъекты знают о своей деятельности, ограничивается их собственными высказываниями, какими бы логичными и рассудочными они не были, мы теряем из виду обширную область знаний и опыта. Изучение практического сознания должно стать неотъемлемой частью исследовательской работы»³⁴.

По многим пунктам Гидденс фактически повторяет «логику практики» Бурдьё, — хотя некоторый контраст между двумя выдающимися исследователями вполне может быть отмечен. Бурдьё делает ударение на «неполноту знаний» (*misrecognition*) акторов, а Гидденс, наоборот, указывает на совершенство и полноту осведомленности последних. Потому наше отношение к дальнейшим тезисам Гидденса относительно поведения акторов должно быть более *осторожным*, чем к подобной аргументации Бурдьё, — поскольку сама идея «всезнания» актора нам представляется весьма поверженной.

Концепция «всезнающего актора», разработанная Гидденсом, содержит в себе, в первую очередь, заимствования (*allusions*) из позднего Витгенштейна и этнометодологии, — но, например, никак не использует *марксистскую теорию практики* (где идея целеустремленного и квалифицированного в своих поступках актора куда более успешно «состыкована» с проблемой трансформации этих поступков в «коллективные, ассоциативные, социальные действия»). Результат — гидденсовский актер чересчур *индивидуален и абстрактен*, изолирован от действия и поступков других индивидов³⁵.

Употребляя термин «абстрактные индивиды», я вовсе не имею в виду то, что *реальные индивиды* полностью отсутствуют в гидденсовском тексте, — нет, в большинстве случаев они там *есть*. Однако важно подчеркнуть,

---

³⁴ Giddens A. Op. cit. P. 26. (Гидденс Э. Устройство общества. М., 2003. С. 40-41 — Прим. перев.)

³⁵ Kosnk K. Dialectics of the Concrete: A Study on Problems of Man and the World, Dordrecht, 1976; Murphy J. Yugoslavian (praxis) Marxism // Current Perspectives in Social Theory. 1982. № 3. P. 189-205.

что сама деятельность акторов исследуется Гидденсом исключительно сквозь призму «дуальности структуры». Рассмотрим, что Гидденс противопоставляет попыткам позитивистов открыть «законы» в социальных науках. Он пишет буквально следующее: «моя теоретическая стратегия нацелена не на исследование *реальных характеристик* индивидов, а на исследование того, что есть *материализация* их дискурсивного мышления».

Но игнорируемые Гидденсом «реальные характеристики» как раз и есть то, что позволяет актерам конституировать социальные системы в их повседневной, рутинной деятельности и взаимодействии. Согласно Гидденсу, основные качества индивидов никак не меняются в пространстве и времени, да и сам актер у него всегда одинаков, на каком бы отрезке времени или пространства мы его не рассматривали. И так называемая «рекурсивная модель актора» у Гидденса, исходя из его концепции «дуальности структуры», всегда описывается как *модель универсальная*, независимая от исторического пространства и времени³⁶.

Если в моделях Коулмена и Бурдьё акторы есть, в первую очередь, существа расчетливые и рациональные, всегда крайне осторожно рассматривающие каждую возможную «делку» и «комбинацию», то у Гидденса его акторы, прежде всего, подчиняются и приказывают друг другу. Очевидно, что Гидденс изначально отвергает *рыночную модель актора*. Его индивиды подчеркнута рутинны, доверчивы, достаточно квалифицированы и координированы во взаимоотношениях между собой. Если у Коулмена его акторы кажутся нам людьми, отбивающим пол каблукми под энергичный фокстрот где-нибудь в начале двадцатого века, то акторы Гидденса скорее напоминают галантных, изящных кавалеров, танцующих гавот на каком-нибудь французском балу в восемнадцатом столетии³⁷.

Объяснение социального

У Гидденса актер — это, как правило, отдельный индивид, но Гидденс настойчиво подчеркивает, что его теоретическая стратегия не сводится к исследованию индивидов или их совокупности, а нацелена на изучение общества как особой реальности. Это действительно так: теория акторов Гидденса опирается на его концепцию «социального порядка». Но при этом его *понимание социального* отсылает нас, — опять же, — к теории акторов. Очевидно, что задача принципа «дуальности структуры» — *логически* связывать два различных уровня в один. То же мы наблюдаем у Коулмена, а также у Альтюссера и Фуко в их концепциях субъектов³⁸.

---

³⁶ Giddens A. Op. cit. P. 5, 29, 179.

³⁷ Giddens A. Op. cit. P. 29.

³⁸ Giddens A. Op. cit. P. 163.

Гидденс размышляет о социальном двумя дивергентными путями. В первом случае его внимание сконцентрировано на том, *как возможно общество*, как оно стабилизируется и сохраняет свою структуру. Как отмечает Джон Урри, большая часть «Устроения» нацелена на постижение «онтологии социального». Такие концепты, как «структуриация» относятся именно к этому кругу, и хотя Гидденс здесь старается дать максимально обоснованные ответы, в целом сами результаты его онтологических исследований следует признать крайне *абстрактными* и *затеоретизированными*. Отсюда такие *анормальные* категории как, например, «реципрокция акторов в контексте их со-присутствия» (буквальный перевод с языка Гидденса: «люди делают вещи, взаимодействуя друг с другом»)³⁹.

Рассматривая классическую проблему «возможности общества», Гидденс радикально переосмысляет и переделывает уже имеющиеся понятия социальных наук. Например, это касается известного понятия «структура». Отвергая оба имеющихся значения «структуры»: *структура как эмпирический объект* (например, у Лазарсфельда в его «латентно-структурном анализе») и *структура как обратимая сеть трансформаций* (как у Леви-Стросса в его структурной антропологии), Гидденс дает свое собственное определение структуры:

«Понятие структура используется в теории структуриации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы в пространстве и времени»⁴⁰.

Но вдобавок к такому *запутанному* определению структуры Гидденс изобретает еще один неудобоваримый концепт — «структурированность» (structurishness). Как доказывает Гидденс, этот термин призван прояснить понятие «структуры», — в случае, если социальный теоретик исследует, к примеру, проблему стабильности социального устройства (order).

Настойчиво продвигаясь дальше в своих сомнительных языковых «новациях», Гидденс, наконец, добирается и до понятия «власть», из которого почти полностью *выхолащивает* всякое реальное содержание. «Власть» у него никак не связана с неравенством и угнетением, а принимает свойства парсонсианского «*воления над вещами*», и, по сути, приравнивается ко *всякому конкретному действию* субъекта в отношении иных объектов:

---

³⁹ Giddens A. Op. cit. P. 28; Urry J. Book review: The Constitution of Society // Sociological Review. Vol. 34. № 2. 1986. P. 434-437.

⁴⁰ Giddens A. Op. cit. P. 17. (Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 29 – Прим. перев.).

«...Любое действие логически влечет за собой появление властного отношения как некой трансформирующей способности... Власть внутренне не связана с достижением групповых интересов... В этом понимании использование власти характеризуется не наличием групповых интересов, а любым социальным действием»⁴¹.

Еще несколько шагов по этой *скользящей дорожке*, и мы будем вынуждены вслед за Гидденсом признать власть «социально вредным элементом», и тогда почему бы социальной теории вообще не обойтись без «власти» и схожих с ней социальных институтов, — чтобы там не утверждали социалисты всех мастей? Сейчас Гидденсу *нет дела* до их мнения, а ведь в его ранних работах, таких как «Современная критика исторического материализма» (1981) и «Национальное государство и насилие» (1985), Гидденс стоял на совсем *иных позициях* в отношении «власти», «насилия» и подобных феноменов. Тогда в своих работах он выдвигал их на первый план и активно использовал, к примеру, понятие «эксплуатация». Также в тех случаях, когда Гидденс исследовал конкретные события европейской истории, он постоянно подчеркивал значительную роль в ней насилия и войн. Вывод однозначен: Гидденс своим «Устроением» *противоречит* сам себе, а социальная теория, ныне им разрабатываемая, ведет к *деполитизации* понятия «власти» и сходных с ним научных концептов⁴².

Взгляды Гидденса на историю

Гидденс вполне осознает все возможное многообразие человеческого опыта. *История человечества* также находится в центре его внимания. Исторические экскурсы служат ему для апробирования его теоретических категорий: он активно классифицирует «время», «пространство», «регионы», «общества», «ресурсы» и т.п. и пытается внести в них исторический контекст⁴³.

Но сами эти категории по-прежнему остаются достаточно далекими от конкретных исторических реалий; по сути, это есть всего лишь *некие отrostки* «категорий структуриации». Применяя их, Гидденс, конечно же, пытается «выловить» в истории определенное *разнообразие*, но при этом его «улов» — это все же *общее*, а не *уникальное* в истории. Нигель Трифт предположил, что всю *соль* аргументации Гидденса по историческим проблемам можно свести к одной-единственной его фразе: «Социальная теория должна быть более *контекстуальной*». По сути, все категории Гид-

---

⁴¹ Giddens A. Op. cit. P. 15-16, 283.

⁴² Giddens A. Op. cit. P. 32, 256, 283; Giddens A. The Nation-State and Violence: A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge, 1985.

⁴³ Giddens A. Op. cit. P. 35, 121, 132, 176, 181-182, 258.

денса приспособлены лишь для того, чтобы *разнообразить* исключительно контексты примерно одного и то же социального действия⁴⁴.

Беспримерный «энтузиазм» Гидденса в работе с определениями и его *фантастическая* способность порождать новые концепты, — все это напоминает огромный сталелитейный комбинат с заливкой «стали» (т.е. исторических фактов) в заранее заготовленные «формы», «шаблоны», — рациональные схемы Гидденса. Взгляд «свысока» на всю историю человеческой цивилизации в «Устроении» в большей степени наводит реминисценцию на устаревшие методологические подходы Конта и Спенсера, чем на методологические принципы, формулируемые современными социальными науками.

Значительная часть классификаций Гидденса посвящена «типам общества». Гидденс — не функционалист, и ему удастся избежать методологической ловушки, рассматривающей общество как совокупность изолированных друг от друга систем. Гидденс также не эволюционист, не марксист, и не гегельянец, он не допускает «подгонки» исторического материала под искусственные, пусть по-своему и *грандиозные*, логические схемы. Его типология обществ кое-что *прибавляет* и от Гегеля, и от Маркса, и от Парсонса, но в целом соответствует разделению общества на «пред-современные» (pre-modernity) и «современные» (modernity), присутствующему также у Коулмена и Бурдье⁴⁵.

Гидденс выделяет три основных типа общества:

- (1) *трайбалисткое* (tribal society)
- (2) *классовое доиндустриальное общество* (грубо говоря, городское общество, но еще без машинной индустрии)
- (3) *классовое индустриальное общество* (капитализм)

Очевидно, что перед нами некий вариант *исторического подхода*, но Гидденс, как это не покажется странным, настаивает на том, что его схема отнюдь не принадлежит к числу «эволюционных». Различные типы обществ различаются посредством различных «структурных принципов» и маркируются различными типами «противоречий» (еще один концепт, полностью им переделанный и деполитизированный). *Традиционный* характер методологического подхода Гидденса к его классификации типов общества особенно ясно виден по тому, как он характеризует *трайбалисткое общество*: это общество *близко к природе*, оно «холодное» (cold), т.е. еще не адаптированное к изменениям; оно *сегментировано*, и основано на родственных связях и обычаях⁴⁶.

---

⁴⁴ Thrift N. Bear and mouse or bear and tree? Anthony Giddens's reconstitution of social theory // Sociology. Vol. 19. № 4. 1985. P. 609-623.

⁴⁵ Giddens A. Op. cit. P. 163, 266, etc.

⁴⁶ Giddens A. Op. cit. P. 182, 193.

Как соотносятся друг с другом данные типы общества? Согласно Гидденсу, важно уже то, что их можно *отчетливо* различить друг от друга. Если, к примеру, перед нами трайбалистское общество, то, очевидно, что оно уже по своему определению не может быть классовым. Однако бывает и такое, когда различные типы обществ *со-существуют* в пространстве друг с другом, взаимодействуя внутри больших *социетальных систем* (inter-societal systems). Для этого Гидденс изобретает специальный термин: «пространственно-временную смычку» (time-space edge), чтобы ясно определить тот способ, посредством которого один тип общества взаимодействует с другим. Взаимодействие посредством такой «смычки» может быть взаимодействием по типу доминирования или симбиоза, хотя сам термин, как видно из его именованья, достаточно *нейтрален*. Таким образом, Гидденс затевает разговор об «империализме», *искусно* избегая употребления самого этого термина⁴⁷.

Пропавшая империя

Очевидно, что в задачу «Устроения» никаким образом не входит обсуждение проблемы «империализма», и «колония» как тип общества никак *не встраивается* в классификации Гидденса (термин «колонизация» в предметном указателе *самым странным образом* отсылает нас к Эрвину Гоффману, к его исследованиям *психиатрических клиник*).

Для социальной теории, претендующей на *глобальные обобщения*, да еще написанной автором, представляющем в прошлом великую колониальную державу, это более чем непонятно. Становится ясным, что сам грандиозный проект Гидденса по созданию некоей универсальной теории общества с большим трудом состыковывается с конкретным историческим материалом. Борьба народов за свержение ига империализма есть одна из самых значительных, пусть и *драматических* страниц истории, — и разворачивалась она уже при жизни Гидденса. Но его теория структуры на этот счет отделяется лишь одной-единственной фразой: «Так называемое “движение за освобождение [от империализма] всегда имеет мрачную перспективу дать толчок появлению террористических организаций”»⁴⁸.

И все! Ни слова об антиколониальном движении, деколонизации, неокOLONIALИЗМЕ, и о той политической борьбе, что разворачивалась уже в освободившихся от колониальной зависимости странах.

Надо заметить, что и в других своих работах Гидденс уделяет этим проблемам немного больше места. Например, в работе «Национальное

---

⁴⁷ Giddens A. Op. cit. P. 164, 184, 244.

⁴⁸ Giddens A. Op. cit. P. 337.

государство и насилие», где он обсуждает «миро-системный» подход к мировой истории и исследует проблему конфликтов между морскими державами, в классификации государств появляются термины «колониальный» и «постколониальный». Но при этом Гидденс лишь констатирует факт существования *колонизуемых* стран и территорий и не находит им места в своей классификации. Лишь иногда он, подобно многим другим ученым из метрополий, употребляет в отношении их термин «классический», *нацисто* избегая слова «колониальный». Нигде в работах Гидденса 1970-80-х гг. социальные отношения типа *империалистических* или *колониальных* не стоят в центре внимания. Лишь на исходе 90-х гг. в своей работе «Ускользящий мир» он стремится убедить нас в том, что мы уже живем во *взаимозависимом, демократическом, и детрайбализированном* (de-traditionalized) мире, и прежнего империалистического господства больше не существует⁴⁹.

Но проблема заключается не только в том, что у Гидденса не хватает фактических данных в пользу своей глобальной социальной системы. Его классификация обществ, — где Гидденс придерживается наиболее догматических позиций, неизбежно ведет к *уменьшению* социального опыта колониальных и угнетенных народов. В своем «Устроении» Гидденс объявляет современный ему капитализм третьей, высшей, ступенью развития общества и *детально* не увязывает его с предыдущими социальными ступенями. А колониальные страны он относит к так называемым «большим неоднородностям» (massive discontinuities), выпадающим из общего хода развития:

«Начиная с восемнадцатого века, политические и промышленные революции привели к тому, что в рамках общей тенденции развития стали наблюдаться некоторые “неоднородности”, вносимые другими типами обществ. Отличительной структурной характеристикой современных капиталистических классовых обществ является не только разделение, но и взаимосвязь государственных и экономических институтов. Огромная экономическая власть, порождаемая использованием аллокативных ресурсов во благо технического прогресса и развития, сочетается с глобальным расширением административной *сферы* государства»⁵⁰.

В результате, Гидденс полагает за *модернити* («современную эпоху») эндогенные изменения в Европе («на Западе»), которые *затем* в том или ином виде экспортируются в другие страны и регионы. Это, очевидно,

---

⁴⁹ Giddens A. The Nation-State and Violence: A Contemporary Critique of Historical Materialism. P. 269; Giddens Runaway World. London, 2002.

⁵⁰ Giddens A. Op. cit. P. 183. (Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 265 – Прим. перев.).

стандартный социологический взгляд на модернити, искусно подгримированный под идеи двух революций: «индустриальной» и «демократической». Критические изменения в отношении к эпохе модернити начались, как полагают социологи, в конце XVIII столетия. Такая концепция идет от Конта, частично от Маркса, а в двадцатом веке она была переработана и углублена Мишелем Фуко и некоторыми другими исследователями, — но в результате стала еще более *структуралистской* и потому запутанной, — эпоха модернити теперь уже связывается не только с индустриальной революциями и появлениям демократического общества, но также с эпохой Просвещения.

Такое датирование, конечно, имеет немаловажное значение для социальной теории, — и, тем не менее, мы хотим предложить иной взгляд. Согласно Иммануэлю Валлерстайну, *критический сдвиг* в направлении капитализма произошел немного раньше, в XVI в. По Валлерстайну, возникновение капитализма — это результат, прежде всего, *колониальной экспансии и колониальной экономики*: внутри Европы она осуществлялась в отношении Польши и Скандинавии; за пределами континента, — сначала португальскими и испанскими захватами, а чуть позже — экспансией Голландии, Великобритании и Франции, а также продвижением России на восток, в Сибирь и Азию, а в Америке — североамериканским поселенцами — на запад и север Северной Америки. Все эти завоевания реализовывались во многом еще до обозначенной Гидденсом даты начала модернити, т.е. в XVI, XVII и в первой половине XVIII в., — эпоху первоначальных колониальных захватов и ограбления новых земель. Валлерстайн утверждает, что колониальная экспансия и отношения по типу «метрополия — колония» не есть результат того, что Гидденс скромно называет «возрастающим доминированием западных капиталистических обществ», — нет, это как раз то, что конституировало капитализм как общественный строй⁵¹.

И это не просто *слова*; между мнениями Валлерстайна и Гидденса разница более чем *существенна*. Гидденс утверждает, что «западный мир доминирует», — однако, не потому, что он *захватил* другие страны и земли, а потому что, он обладал «временным преимуществом» (*temporaty precedence*), т.е. вследствие того, что *индустриализировался* и *модернизировался* первым во времени:

«Необходимо указать, что те условия, в которых сформировалось классовое доиндустриальное общество, в значительной степени *ускоряли* разложение иных, традиционных обществ, — просто потому, что опере-

---

⁵¹ Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge, 1979; Giddens A. Op. cit. P. 185.

жали их в развитии. Современный мир рожден как “непрерывность” из классового индустриального общества, — в то время как в неевропейских странах мы наблюдаем нечто вроде “разрыва”. Природа этой “непрерывности” — это изначально сформировавшийся *специфичный* характер западного мира, и задача экономической социологии заключается в том, чтобы объяснить эту *специфичность*⁵².

Таким образом, согласно Гидденсу, все иные *устроения общества*, кроме западного, оказались несостоятельными, но не потому, что туда пришли европейцы с их пушками и все разгромили, а потому, что модерни было *неизбежным*. Этой точке зрения Гидденс остается верен на протяжении всей своей книги, и она также составляет ключевое ядро его модели глобализации.

Итоги

Гидденс предпринял попытку глобальной ревизии социальной теории, опираясь исключительно на интеллектуальные традиции европейской и североамериканской социальной мысли и пытаясь разрешить антиномии ее теоретического дискурса. «Социальное» в его *неограниченном* смысле есть главный объект исследования английского теоретика, — именно вокруг него Гидденс строит основную сеть своих категорий и универсальных концептов. В отличие от Коулмена, он не отождествляет между собой «рынок» и «общество», но его модели взаимодействия акторов между собой крайне абстрактны и деполитизированы. Человеческая история у Гидденса наглухо «пристыкована» к его системе универсальных категорий, *искусственно* «разложена» по трем основным типам общества — трайбалистскому, классовому доиндустриальному, классовому индустриальному (капитализму). Национальные и региональные особенности практически никак не учтены, а эпоха модернити предстает как эндогенный продукт цивилизации Запада. Проблематика колониализма и экспансии «империалистических» государств Запада в другие регионы практически полностью исключена из социальной теории.

«Южная» социальная теория: Пьер Бурдьё — «Логика практики»

Работа «Логика практики» созревала у Пьера Бурдьё долго и непросто. Ее первая версия — «Очерк теории практики» — была опубликована на французском языке в 1972 г., исправленное издание вышло на английском в 1977 г.; новое французское издание, с массой уточнений и исправлений, и с новым названием — «Логика практики» — вышло в 1980 г., а его английский перевод появился в 1990 г. Это работы можно расцени-

---

⁵² Giddens A. Op. cit. P. 131, 239.

вать как итоговые результаты исследований Бурдьё, начатых в Алжире в 50-е гг., когда он занимался изучением берберских сообществ в Кабилии. Большая часть «Логики» (и «Очерка», соответственно) описывает повседневную жизнь этих сообществ, и собственно этнографические результаты сопровождаются глубокими методологическими комментариями⁵³.

Опора на *эмпирические исследования* как часть теоретической стратегии резко контрастирует с методологией Коулмена и Гидденса. Изначально фокус исследований французского ученого сконцентрирован на проблемах не «Севера», а «Юга», — в глобальном понимании последнего. Это был не просто *каприз* исследователя. Бурдьё предпринял исследования в Алжире, с его точки зрения, для того, чтобы *трансформировать* себя из кабинетного философа в *социального ученого-исследователя* и сформировать, используя собственную рефлексивность, свой *личный* подход в социальных науках. Тассадди Ясин вспоминает, что молодой Бурдьё проводил свои полевые исследования в тесном сотрудничестве с алжирскими студентами и своими алжирскими коллегами, — такими, как, например, Абдельмалак Сайяд⁵⁴.

Но все это не сделало из Бурдьё традиционного антрополога. Еще будучи совсем молодым исследователем, он пытался публиковать небольшие обобщающие работы в журнале «Социология Алжира». Четырнадцать лет спустя, когда вышел вышеупомянутый «Очерк», Бурдьё уже опубликовал ряд влиятельных работ в области социологии образования и социологии культуры. До «Логики практики» Бурдьё были опубликованы впечатляющие «Различия», посвященные иерархическим *различиям* в классовом обществе. До того, как «Логика» вышла на английском, Бурдьё стал считаться одним из лидеров академической социологии во Франции. Он также немало продвинул вперед и французскую антропологию, в своеобразной дискуссии с Леви-Строссом утверждая, что одна из задач его «Логики» — это провести *различие* между антропологией и социологией: дело антропологии — изучать *примитивные общества*, а цель социологии — исследовать общества классовые и индустриальные⁵⁵.

Задача работы

Сам выход в свет «Логики практики» можно расценить как некую попытку разработать надежные теоретические основания для социального знания, — в форме определенной аналитической стратегии и набора

---

⁵³ Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge, 1977; Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford, 1990.

⁵⁴ Yacine T. "L'Algerie, matrice d'une oeuvre" // Travailler avec Bourdieu / Ed. by Encreave P., Lagrave R.-M. Paris, 2003.

⁵⁵ Bourdieu P. The Logic of Practice. P. 21.

концептов, – с подтверждением их на эмпирическом материале. Все это чисто академический подход. Сам Бурдьё предполагает, что его проект имеет одновременно и культурологический, и политический, и философский аспект. Вот он как сам характеризует его в своем «Предисловии»:

«Моя задача сводится к тому, чтобы обнаружить экстернатальность в сердце интернатальности, банальность – как иллюзию раритета, обычное – как предпосылку уникальности, а социология, с моей точки зрения, должна разоблачать фальшь эгоистического нарциссизма; если мы сумеем осознать все наборы детерминаций, вращающихся вокруг *конструируемого нами субъекта*, мы проследим значение каждого из окружающих его объектов и сконструируем его жизненный мир, заброшенный в самое сердце социального космоса»⁵⁶.

Чтобы проследить сам процесс «конструирования субъекта», Бурдьё предлагает собственный взгляд на *социальное и субъективность*. Он подвергает критике, с одной стороны, «объективизм», представленный, по мнению Бурдьё, структурной лингвистикой Леви-Стросса, а также структуралистский марксизм, а с другой стороны (еще более энергично) нападает на «субъективизм» Ж.-П. Сартра и теорию рационального выбора.

В обоих случаях эту критику можно расценивать как попытку Бурдьё «выбить» противника с определенных теоретических позиций. Критика структурализма последовательно проводится им на протяжении все его книги, и она носит *сущностный, ключевой* характер. Бурдьё пытается определить условные границы социальных наук, подвести под последние свои собственные метатеоретические основания, и решающим для него является взгляд на социальные науки с идеологических позиций *класса интеллектуалов*. Бурдьё отвергает структурализм по той причине, что структурализм смотрит на социальную реальность как на некую сверхъестественную сущность. С точки зрения французского исследователя, социальная теория должна отказаться от взгляда на мир как *теоретически* осмысляемый объект, она должна смотреть на него сквозь *социальные практики* самих теоретиков. Сама по себе *чистая логика* теорий не имеет никакого значения для познания социального мира. С другой же стороны, отвергая субъективизм Ж.-П. Сартра, Бурдьё отказывается считать поступки людей следствием социальных или индивидуальных принуждений, а полагает их актом свободной воли самих личностей.

Область исследований

Хотя Бурдьё временами и рассуждает о «*всех обществах*», он вовсе не претендует своими исследованиями на *глобальное применение* своих со-

---

⁵⁶ Bourdieu P. Op. cit. P. 16, 41, 75.

циально-теоретических конструкций, — как, например, это делает Коулмен. В действительности, Бурдьё совсем не воспринимает тех теоретиков, которые, как им кажется, ищут или уже нашли какие-либо *трансоисторические законы* (tranhistorical laws), — для Бурдьё очевидно, что они заблуждаются. Сам французский исследователь не творит каких-либо грандиозных типологий общества, — таких, как, к примеру, были у Гидденса. Социально-теоретический проект Бурдьё можно считать в большей степени *методологическим* и *эпистемологическим*, чем проекты Коулмена и Гидденса.

Тем не менее, социально-теоретические искания Бурдьё *весьма изящным способом* «выкраивают под себя» почти все социально-историческое пространство и время. Значительная часть его эмпирического материала основывается на берберях Кабилии, однако он последовательно и неуклонно расширяет свою эмпирическую базу, привлекая сюда данные и по сельским общинам юго-западной Франции, примеры из французской внешней политики, французских войн, классовой динамики Франции. Например, в том случае, когда речь заходит о социальных практиках, которые могут реализоваться...

«Согласованность действий людей без очевидного присутствия у них намерений это делать и коллективность действий без видимой логики есть результат тысячелетних, многократно установившихся, почти бессознательных схем действий и фигур мышления, которые нельзя конституировать как очевидные, — но они, тем не менее, порождают подобную безличную необходимость...»⁵⁷.

Поиск универсальных социальных законов и принципов мог бы стать фетишем для Бурдьё, но он воздерживается от этого, допуская лишь *методологическую гомогенность* человеческого истории в целом. Его теоретический инструментарий, в принципе, может работать везде и всюду. То, что Бурдьё *универсализирует*, не есть набор каких-либо *априорных социально-теоретических утверждений*, а всего лишь «скелет», голая схема исследований, содержащая в себе ряд ключевых научных концептов и примеров с возможностью их *универсального применения*. Рогерс Брубакер весьма удачно схватил суть всей концепции французского исследователя, утверждая, что Бурдьё предложил в качестве социальной теории не жесткую схему пропозициональных утверждений, а всего лишь свой *теоретический габитус*, — изящный и утонченный способ теоретизирования⁵⁸.

---

⁵⁷ Bourdieu P. Op. cit. P. 13.

⁵⁸ Brubaker R. Social theory as habitus / Ed. by Calhoun C., LiPuma E., Postone M. Bourdieu: Critical Perspectives. Chicago, 1993. P. 212-234.

Практическая логика в мире Бурдьё

Бурдьё в «Логике практики» определяет свою методологию дважды: кратко в «Предисловии», и более детально – в главах 3, 7, и 8. Им используются хорошо известные концепты: «практика», «структура», «стратегия», «социальное воспроизводство», «габитус», «поле», «символический капитал» и «господство» (*domination*). Понятия «символического насилия» и «культурного господства» (*cultural arbitrary*), ключевые для социологии образования Бурдьё, не так часто встречаются в «логике», хотя и представляют собой очевидный вклад Бурдьё в современную социологическую теорию⁵⁹.

Но моя цель вовсе не в том, чтобы обсуждать эти концепты, я уже это делал однажды⁶⁰. Однако, тогда у меня еще не было сравнения социальной теории Бурдьё с теориями Гидденса и Коулмена. Если же такой анализ провести, то у французского исследователя гораздо больше схожести именно с Коулменом, а несхожести – с Гидденсом. Актор в социальном мире Бурдьё есть индивид «практического склада», рационалист до мозга костей, расчетливый деятель, активно маневрирующий в мире других акторов с целью получения хотя бы незначительного преимущества перед ними.

Объясняя мотивы поведения акторов в обществе, Бурдьё замечает: «Даже если акторы и не демонстрируют *прямого интереса* в происходящих событиях, тем не менее их социальные практики никогда не исчезают при отсутствии в действиях экономической логики». Стратегии акторов построены так, что они всегда ищут «прибыль» в любой ее форме. «Крестьянин» (и «кочевник») у Бурдьё еще более *торгаши* и *софисты*, чем рациональный индивид Коулмена; он стихийно маневрирует сразу в нескольких измерениях социальной реальности, он готов использовать сразу несколько стратегий для того, чтобы получить *реальные выгоды* от них. Такой подход к интерпретации актора дает аргументации Бурдьё немало преимуществ. При этом надо помнить, что французский исследователь значительно *расширяет* понятие «рынка», перенося свою теоретическую аргументацию на вроде бы «не-рыночные» сферы деятельности актора и даже в этом плане *превосходит* Коулмена: у Бурдьё аргумент «от рынка» действует даже там, где никакого рынка нет и в помине⁶¹.

---

⁵⁹ Bourdieu P. Op. cit. P. 16; Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction: In Education, Society and Culture. London, 1977.

⁶⁰ Connell R. The black box of habit on the wings of theory: Reflections on the theory of social reproduction // Which Way is Up? Essays on Sex, Class and Culture. Sydney, 1983.

⁶¹ Bourdieu P. Op. cit. P. 109, 122.

Все это придает социологии Бурдьё весьма *специфичный привкус*. Этот привкус заключается в том, что акторы Бурдьё искусно маневрируют в социальном пространстве, — причем даже там, где делать это крайне сложно. Проблема «маневрирования акторов» в таком пространстве с приложением к культуре и социальной иерархии остается центральной темой «Логики» на всем ее протяжении. Однако индивид Бурдьё живет в более *фрагментарном* мире, чем, например, индивид Коулмена. Здесь у Бурдьё очевидно ощущается поворот в сторону Леви-Стросса и Маркса. Социальный мир у французского мыслителя не есть *чистое, незаполненное пространство*; наоборот, он пронизан различными структурами, особенно классовыми и этническими. Все эти структуры в той или иной степени формируют облик габитуса, и интернализуют принципы его личного бытия. Эти структуры *трансформируются* в процессе взаимодействия акторов, каждое действие или «маневр» которых ограничивается их габитусными характеристиками. Таким образом, теория «социальных практик» Бурдьё есть также то, что можно обозначить как «теория социального воспроизводства».

Игры в полумраке

Общество или социальная формация, интерпретируемые на одном уровне, есть *само-восстанавливаемая сеть структур*, где действуют акторы с поистине необъятным числом стратегий. Посредством воплощения этих стратегий в жизнь структуры общества воспроизводят сами себя («Стратегии производятся *габитусами* ... всегда воспроизводящими наиболее эффективные из структур».) По этому пункту, теоретическая стратегия Бурдьё весьма схожа с теоретической стратегией Гидденса⁶².

Эта своеобразная «игра» акторов в «практики» длится в специфическом [социальном] времени. Бурдьё твердо настаивает на этом аргументе. Он посвящает целую главу своей книги тому, чтобы показать, что *время* составляет неотъемлемую оболочку, например, системы дарообмена. В его системе тезисов это наиболее эффективный пункт критики структурализма, а сама социальная теория Бурдьё предстает при этом яркой, живой и реалистичной⁶³.

«Время» Бурдьё, тем не менее, вполне абстрактно, безымянно, — и оно примерно такое же, как время Коулмена, вовлеченное в бесчисленные «деривации». Для нас также кажется странным, что такой убежденный сторонник «колониализма», как Бурдьё, совершенно не стесняется детальных этнографических экскурсов и даже опирается на них

---

⁶² Bourdieu P. Op. cit. P. 61.

⁶³ Bourdieu P. Op. cit. P. 105-106.

во многих случаях. Такую *методологическую аномалию* можно рассматривать не как элемент формального противоречия в системе Бурдьё, а скорее как элемент диалектической антиномии в пределах его социальной теории.

Время у Бурдьё не только *абстрактно*, оно также и *циклично*. Побочные эффекты действий габитуса как бы *откатывают* события назад в отношении их реального времени. Вещи и события в социальном мире постоянно меняются, и старая схема действия габитуса оказывается неэффективной в новых обстоятельствах. Но сами источники структурных изменений в обществе социальная теория Бурдьё никак не объясняет. И многие исследователи вполне согласны с этим пунктом: они также полагают, что теоретическая стратегия французского ученого не содержит в себе анализа механизмов социальных трансформаций. Говоря другими словами, акторы и практики мыслятся у Бурдьё не как реальные индивиды и социальные практики, а скорее как некие *модели*, из которых складываются далее *модели* социального воспроизводства.

«Игра практик», таким образом, превращается в нечто вроде «игры теней», где призрачные фигуры творят *темные* дела, а после опускаются в свои «могилы», т.е. места в структурах. Время, конечно, тут *живое*, но само общество и история предстают здесь *замороженными, ледяными и мистическими*.

О женщинах и женском мире

Описывая грубыми мазками социальную психологию габитуса и в целом механизм социального воспроизводства, Бурдьё, очевидно, придерживается утверждения о *культурной гомогенности* общества. Напомним, нечто подобное было и у Коулмена, который априорно предполагал, что свободно выбирающие индивиды, в каких бы разнородных культурных средах они не находились, всегда придут к общему консенсусу. Позиция Бурдьё, на мой взгляд, более реалистична и взвешена: его акторы *властвуют* друг над другом и *управляют* друг другом. Но его социальное теоретизирование также упорно исходит из того, что социальный мир можно рассматривать как *гомогенную, унифицированную структуру*.

Это немного странно для социолога, который, например, исследуя различия в образовательных институтах, ясно указывает на ключевую роль здесь *культурного капитала*. Однако в своей «Логике» Бурдьё настойчиво представляет социальный порядок как *культурно гомогенный*, и, к примеру, Маргарет Арчер тут же указала на этот факт как ключевое звено теоретической стратегии Бурдьё в его социологии образования. В частности, Бурдьё рассматривает «кабийский дом» кочевников-берберов как некий *идеальный тип* сельского общества в целом. Бурдьё здесь

тонко иронизирует сам над собой: «возможно, я мыслю как *счастливый структуралист* (a blissful structuralist)», но такие чисто риторические приемы встречаются в «Логике» повсюду, и они не способны все же быть теоретическим аргументом в споре. Бурдьё вроде бы и *дискутирует* насчет своих номадов, но эта дискуссия парадоксальным образом выключает из обсуждения как деятельность традиционных религиозных движений, так и активность радикальных, фундаменталистских религиозных сект и их пророков⁶⁴.

Эта черта теоретической стратегии Бурдьё проявляется и в его интерпретации проблем гендера, чему он уделяет немало места в «Логике». Он настаивает на *абсолютной дихотомии* между миром мужчины и миром женщины, но, как бы *между прочим*, в роли актора у него предполагается, в первую очередь, мужчина, а не женщина. Сама же гендерная система определяется как самая простая из всех дихотомий и иерархий. Правда, в одном из своих ярких пассажей, где Бурдьё объясняет, как габитус *конструирует* свое социальное тело, он «психологически» *различает* женщину и мужчину: если первые, как правило, *резки и властолюбивы*, то вторые в большей степени застенчивы и склонны к подчинению⁶⁵.

Такие архаические и патриархальные модели гендерных взаимоотношений, очевидно, взяты Бурдьё из жизни алжирских кочевников, и мало соответствуют современным реалиям, однако, французский мыслитель идет еще дальше. В одной из последних своих работ «Общество мужчин» он настаивает на той же патриархальной модели гендерных отношений. В то же время благодаря своей репутации как выдающегося социального теоретика Бурдьё оказал значительное влияние на развитие самых разнообразных отраслей гендерных исследований⁶⁶.

Большая этнография

В большинстве своих текстов Бурдьё рассматривает «мир Кабилии» как часть Франции; понятие «колония» у него в отношении Алжира отсутствует. Та же аргументация воспроизводится и в других его работах.

Однако это не означает, что и все другие общества он рассматривает как часть метрополии. Его эмпирический опыт исследований Алжира *решительно восстает* против подобного допущения. В некоторых частях своей «Логике» французский исследователь, в частности, обсуждает проблему «до-капиталистических обществ». А в главе «Способы властвова-

---

⁶⁴ Archer M. Process without system // Archives Européennes de Sociologie. Vol. 24. № 4. 1983. P. 196-221.

⁶⁵ Bourdieu P. Op. cit. P. 70-72, 217.

⁶⁶ Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford, 1996.

ния» («The modes of domination») его теория разделения обществ вполне соответствует традиционным социологическим представлениям⁶⁷.

Она, эта теория, противопоставляет друг другу два типа общества: «общество до-модерна» и «общество модерна». В той характеристике, что дает Бурдьё «обществу до-модерна», у него *хаотично перемешаны* признаки экономики материальных благ и экономики символических благ. В эпоху модерна, после «расколдования (disenchanting) естественного мира, до того сводимого лишь к материальным началам», обе эти экономики разделяются на два отличных друг от друга «поля». В обществах домодерна первоначальные социальные преимущества индивидов в основном достигаются за счет *их личных усилий*. В обществах модерна, наоборот, это процесс происходит благодаря институализации, т.е. трансформации личной активности индивидов в социальные институты. Например, в обществе модерна культурный капитал циркулирует посредством систем сертификации и аккредитации⁶⁸.

Все это весьма серьезная аргументация. Бурдьё не затрагивает в «Логике практики» проблем *практических взаимоотношений* между системами властвования в обществах домодерна и модерна (хотя его исследования в Алжире вполне могли дать почву для такого исследования). В гораздо большей степени, чем Коулмен и Гидденс, Бурдьё как социальный теоретик нацелен на то, что перебросить мостик между собственными теоретическими изысканиями и «большой этнографией», а понятие «модерна» и «эпохи модернити» противопоставить «до-модерну». Французский исследователь полагает, что общества домодерна можно описать с *большой точностью*, так как в большинстве случаев они уже *мертвы*. Но в целом его представления о типологии различных обществ вполне сходны с представлениями Коулмена и Гидденса.

Колониальный мир

В «Предисловии» к своей «Логике» Бурдьё рассказывает весьма памятную историю. У него был один замечательный фотоаппарат, которым он пользовался во время исследовательской работы. Однако даже этот фотоаппарат *не помогал* ему снимать крыши некоторых интересных в этнографическом плане домов в Алжире. И не потому, отшучивается Бурдьё, что это был плохой фотоаппарат, а потому, что самих крыш *просто не было*: они были уничтожены французской колониальной армией во время освободительной войны в Алжире. И это единственное упоминание колониального угнетения, против которого боролся алжирский на-

---

⁶⁷ Bourdieu P. The Logic of Practice. P. 113, 123, 126.

⁶⁸ Bourdieu P. Op. cit. P. 117, 129-132.

род, — как раз в те времена, когда молодой Бурдьё там проводил свои социологические исследования⁶⁹.

Этот факт более чем примечателен. Как могло такое существенное событие, как алжирская война пятидесятых годов, стать менее интересным для *практических исследований*, чем, к примеру, детально описываемые Бурдьё параллельные браки между родственниками-берберами? Но о ней у Бурдьё нельзя найти ни одного упоминания. Это не удивительно. Бурдьё был послан в Алжир скорее не с исследовательскими, а с *военными* целями, — изучить *враждебную среду*, в которой предстояло действовать оккупационной французской армии, и был вынужден покинуть страну в связи с опасностью для его жизни, исходившей от рук радикальных алжирских националистов. Непосредственно в Алжире Бурдьё работал в лагерях беженцев, бежавших от войны, а также среди местного населения, частично вооруженного и поддерживавшего этих националистов. В своих работах конца 50-х — начала 60-х гг. он, наконец, обращается к теме дезинтегрирующих эффектов колониализма и национально-освободительных войн, предлагая им взамен в своей «Логике» идею *общечеловеческого этоса и общечеловеческой солидарности*. Но при всем этом Бурдьё упорно отказывается рассматривать антиколониальное движение как материал для своей глобальной социальной теории⁷⁰.

Здесь возможно небольшое биографическое отступление. Наиболее известным теоретиком этого движения был Франц Фанон, чей период пребывания в Алжире совпадает с периодом пребывания там Бурдьё, но который, в отличие от Бурдьё, работал там не ради военных целей своей метрополии, а открыто и честно *на благо Алжира*, — и в целом сочувствовал освободительной борьбе Фронта национального освобождения Алжира (ФНОА). Работа Фанона «Алжирская революция» появилась в 1959 г., другая его книга «Угнетенные землей» (с предисловием Ж.-П. Сартра) — в 1961 г., — в это время Бурдьё уже достаточно глубоко исследовал свои *алжирские этнографические вопросы*. Эти две книги Фанона прямо разрабатывают проблемы *постколониальной трансформации* освободившихся от колониального гнета стран, — что практически полностью игнорируется в «Логике практики». Она также не упоминает не только о Фаноне, но и о других свидетелях и участниках освободительной алжирской войны. Сам же Бурдьё о социальных теориях революций, циркулировавших в среде французских левых, отзывается пренебрежительно. Он рассматривает Фанона и Сартра исключительно как поставщиков социальных

---

⁶⁹ Bourdieu P. Op. cit. P. 3.

⁷⁰ Bourdieu P. Algeria 1960. Cambridge, 1970; Bourdieu P. The Logic of Practice. P. 27-28, 112-113.

мифов; сам Бурдьё поддерживает колониальные доктрины и всецело дистанцируется от идей ФНОА. Свою же собственную социологию французский социолог рассматривает как объективный набор концепций и фактов, посредством которых он сильно желает *просветить* участников алжирской войны сразу по обе стороны фронта⁷¹.

В целом же, рассматривая проблему на более глубоком уровне, следует отметить, что именно *социальная теория* Бурдьё (а не его *частная политическая история*) формирует взгляд на антиколониальное движение как нечто *неуместное и излишнее*. Для европейской социальной мысли вообще характерно приравнивать западный мир к «чему-то вроде субъекта» в истории. Естественно также, что Африка и Азия рассматриваются в социальной теории как объекты, *не имеющие права голоса*. Сам социально-теоретический проект Бурдьё как проект создания универсального *всеприменимого* набора теоретических инструментов не дает возможности учесть исторический опыт освободившихся стран, поскольку находит его *случайным и побочным* в отношении исторического опыта США и Западной Европы; по такому же пути идут Коулмен и Гидденс.

Социальная теория Бурдьё вряд ли может быть вообще востребована *освободительным движением* в любых его социальных формах. Само решение французским социологом проблемы «структуры/агента» в его концепции социального воспроизводства *делает излишним* всякий вопрос о социальной динамике общества. Как было видно из вышеперечисленных работ Бурдьё, теория «структуры/агента» фактически *элиминирует* в социальной теории проблему «власти» и «угнетения», а на идеи и теории других ученых относительно возможных трансформаций современного общества в другие его типы Бурдьё отвечает лишь ироническо-завистельными выпадами⁷².

В результате, в «Логике» мы имеем те же самые писания, что есть у большинства ученых из метрополии в отношении «Третьего мира». Знание об этом мире берется Бурдьё из эмпирического и социально-теоретического знания, циркулирующего в метрополии, а сами проблемы бывших колоний обсуждаются лишь в аспекте, принятом учеными метрополии. Идеи и концепции, вырабатываемые учеными стран «Третьего мира», Бурдьё никак не замечаются, а сами проблемы освободившихся государств рассматриваются преимущественно *в этнографическом ключе*. При этом надо заметить, что в ранних работах Бурдьё данная проблема, — *про-*

---

⁷¹ Macey D. Frantz Fanon, a Life. London, 1960.

⁷² Напр., это хорошо подтверждают взгляды Бурдьё на проблему «иерархии в образовательных структурах»: Bourdieu P. The State Nobility: Elite Schools in the field of Power. Cambridge, 1966.

блема дифференциации социально-теоретического знания в зависимости от региона, — в той или иной степени присутствовала, но поздние теоретические стратегии Бурдьё прошли мимо нее. Французский социолог выстраивает картину взаимодействия агентов и социальных практик, которая, конечно, иллюстрирует также и страны «Третьего мира», но *исключительно* с позиций ученых стран «Первого мира». Он методологически трактует все общества и все исторические периоды как *гомогенные* друг другу. Идея актора как «торговца» и «рационального стратега» *пронизывает* все измерения социальной теории Бурдьё. «Социальные практики» как способы, посредством которых воспроизводятся «социальные структуры» способны дать лишь *схематическое понимание общества*, но ни в коем случае не могут описать его динамику. «Практики» реализуются во *времени*, но само время циклично. Исключение составляет только широкое известное различие между эпохами «до-модерна» и «модерна». Но само это противопоставление у Бурдьё есть скорее *чисто умозрительная конструкция*, чем оппозиция двух миров, наполненная реальным содержанием и реальными социальными отношениями; собственный же опыт изучения французского колониализма в Алжире Бурдьё сюда не привлекает.

Социальная теория: «северный» выбор

Рассмотрев пути теоретических исканий Коулмена, Гидденса и Бурдьё, мы можем, наконец, обрести почву для некоторых общих выводов. Как я замечал в начале этой статьи, данная небольшая группа текстов дает нам возможность судить о жанре социальной теории в *принципе*. И проблемы, которые здесь поднимаются, имеют немаловажное значение для развития всей социологической мысли.

Доминирование научной «метрополии» в отношении ее научных «колоний» находит свое подтверждение и в общей (глобальной) социальной теории, и это, на наш взгляд, можно зафиксировать посредством четырех основных пунктов:

- 1) «претензия на универсальность» (the claim of universality);
- 2) понимание с позиций «Центра» (reading from the center);
- 3) указание на «исключение» (gestures exclusion);
- 4) «зачищение ненужных мест», «большое вычеркивание» (grand erasure).

«Претензия на универсальность»

Все три рассмотренные нами книги предьявляют некую *претензию на универсальность*. Коулмен утверждает, что его социальная теория способна анализировать любые социальные системы, Гидденс полагает, что для применения его теории *не существует никаких границ*; Бурдьё также

разрабатывает универсальные модели поведения акторов и воспроизводства ими *социального*. Все эти исследователи (кстати, как и многие другие) твердо уверены в том, что *материя исторических фактов* вполне может быть вписана в *теоретические модели* социального, структуры и акторов. Всеми ими вполне допускается, все типы существующих обществ познаваемы и познаваемы примерно одним и тем же способом и в одном и том же ракурсе.

Но эта точка зрения на деле есть не что иное как точка зрения «научной метрополии», и она не может быть всеобъемлющим образом доказана и аргументирована. На *сам факт этого умалчивается*, — вследствие чего универсальность претензий этих трех социальных теорий оказывается под вопросом. Социальные теоретики «периферии» не могут принять социальные теории, которые бы так или иначе не отражали специфику их регионов. Почему, предположим, нельзя говорить о «теории [империалистической] зависимости Латинской Америки», почему ее нельзя считать *уместной* с социально-теоретической точки зрения? В итоге, это оспаривает претензию на универсальность социальных теорий, разработанных в регионе, который следует считать «метрополией» — как в обычном, так и в *научном* смысле.

«Претензия на универсальность» не ограничивается у «северных» теоретиков разработкой *универсальных утверждений*. Эта «претензия» также касается и *метода теоретизирования*. Примером может быть практика *переписывания* работ других социальных ученых *своим собственным научным языком*, что постоянно встречается у Коулмена и Гидденса. В ходе такого «переписывания» полностью переделываются и переиначиваются категории и научный язык *иной* теории, но сама социальная теория «северного» теоретика *неявно* выставляется на первый план. Часто такой метод предлагается в качестве «примера», но далее скрытым образом берется за *правило*.

Понимание с позиций «Центра»

Сам вклад «северного» теоретика здесь традиционно представляется как решение некой «антиномии», разрешение «проблем» или «слабостей» в иных социальных теориях. И, естественно, нам даются отсылки к *соответствующей литературе*. Но что это за литература? Все три текста отсылают нас к научной литературе *метрополии*, и никакой другой *научной* литературы для них не существует.

Например, Гидденс и Бурдьё обращают наше внимание на общеизвестную антиномию «объективизма» и «субъективизма». Это есть классическая проблема для европейской социальной мысли. Но это вовсе не есть *центральный вопрос* для социальных теоретиков стран «Третьего

мира». Причина проста: в чем *смысл* такого разделения? «Субъективизм» и «объективизм» есть два альтернативных способа видения социального мира, и того, что стоит в центре последнего – субъект или объект; одновременно они дают две модели социальных действий или систем без какой-либо *специфической внешней детерминации*. Возьмем случай Бурдьё с его критикой «объективизма» Леви-Стросса; «объективизм» здесь – это система трансформаций, которая конституирует структуры родства или мифа в последовательно закрытую систему, а сам теоретик находится *как бы в стороне* от этих трансформаций. «Субъективизм» Ж.-П. Сартра в интерпретации Бурдьё выглядит следующим образом: исследуется мир праксиса для того, чтобы коллективный агент мог сконструировать свой уникальный жизненный мир, благодаря которому впоследствии сам агент трансцендентно преодолевает свою «чуждость». Общая (глобальная) социальная теория, исследуя проблему «субъективизм/объективизм», конструирует социальный мир, отражающий исключительно *социальные проблемы* самой метрополии, – а отнюдь не *того мира*, который эту метрополию окружает со всех сторон⁷³.

Социальные теоретики метрополии просто-напросто *универсализируют, обобщают* специфический опыт своих стран, соответствующий язык, социальный опыт и исследования. Коулменовская модель актора, базирующаяся на принципе агентов в условиях *североамериканского рынка*, есть тому классический пример.

Теоретическая стратегия Бурдьё является в этом аспекте более сложной, поскольку последний использует для своих теоретических обобщений эмпирический опыт «Юга». Но достигает он такого эффекта, ставя на одну доску *несравнимые и несопоставимые* социальные ситуации. Например, он почти полностью «изгоняет» ислам из социальной реальности Алжира, потому что это мешает работать его утилитаристской модели актора. Можно, правда, вспомнить его тонкий и интересный аргумент о *неопределенности и бессвязности* (incoherence) «практической логики» действий метрополии в своих колониях, – тогда, когда в ней самой политическая ситуация *неопределенна и индетерминирована*. Но в целом Бурдьё сам *помещает* свою социальную теорию в *магическим образом* неопределенную сферу этнографических изысканий.

Другой важный случай «понимания с позиций Центра» затрагивает проблему времени. Все три рассматриваемых теоретика относятся к проблеме времени весьма серьезно. Время в их теориях *абстрактно, свободно*

---

⁷³ Livi-Strauss C. Structural Anthropology. New York, 1963; Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason. London, 1976.

от «хронологических датировок», и непрерывно («циклическое время» Бурдьё и «циклы воспроизводства» Гидденса здесь есть особый случай). В рамках всеобщей истории, все три теоретика предлагают *следующую историческую и одновременно логическую последовательность*: от эпохи «до-модерна» к эпохе «модерна», от докапиталистических обществ к капиталистическим и т.п.

Но такое непрерывное, «логически последовательное» время, основано, по сути, на *одном* опыте — опыте метрополии. Реальное время стран «Третьего мира» было *разным*. Во многих из них историческое время было *прерывным, дискретным*. Оно в местных, национальных культурах часто *иррационально, разрывно*. Никто в будущих колониях не мог изначально предсказать колониальные захваты, основываясь только на собственном социальном и историческом опыте. Только один пример, — из множества возможных. В начале XIX в. Британская империя начала колониальную экспансию в Южной Африке, последовательно вытесняя грабежами и убийствами местных скотоводов племени *коса* с их насиженных мест. Вот как Ж. Пирес описывал этот британский «социальный эксперимент»:

«Это была тотальная война на уничтожение племен *коса*. ... Опустошения, производимые английскими войсками, были не только жестоки, но и бессмысленны (incomprehensible)... Сейчас уже очевидно, что любое иностранное присутствие всегда может быть легко кристаллизовано в угрозу для безопасности государства, — причем даже будет непонятно, когда эта угроза о себе заявит»⁷⁴.

Для стран, — объектов империалистической экспансии, — колониальный захват их территории никак не является ни эволюцией, ни рационализацией, ни социальной трансформацией, а есть не что иное, как *социальная катастрофа*. Империалистическая экспансия для колонизируемых территорий образует *фундаментальный разрыв* в историческом опыте, который уже нельзя представить на примере социальных трансформаций их метрополий. И это не есть просто обычный *исторический случай*, это есть *империалистическая экспансия*. Если это и продвигает вперед социальные структуры колониального мира, то только в *одном направлении* вперед, к свержению колониального ига, и к постколониальному устройству, или еще дальше, — к неравенству и эксплуатации, что является обычной чертой современного процесса глобализации.

Указание на «исключение»

Обсуждение различных проблем социальной теории всегда необходимо увязывать с проблемой культуры и, в частности, культуры научного

---

⁷⁴ Peires J. Nxele, Ntsikana and the origins of the Xhosa religious reaction // Journal of African History. № 1. 1979. P. 53-54.

дискурса, — в метрополии он будет одним, а в колонии — совсем другим. Перечень цитируемых работ у того или иного конкретного социального теоретика — это всегда очень интересный документ. Причем сам факт *отсутствия* в перечне литературе есть не менее значимый факт, чем факт присутствия.

Я уже указывал на факт отсутствия работ Фанона в списке работ по Алжиру, — как факт, выставляющий напоказ *пристрастия* Бурдые в его теории практики. Теоретики стран «третьего мира» вообще крайне редко цитируются в трудах социальных теоретиков стран-метрополий. Другой случай — отсутствие непосредственных отсылок к трудам исламских мыслителей по проблеме взаимодействия христианской и исламской культур и исламского дискурса по проблеме модернити, — в работах тех же теоретиков. А было бы очень интересно, как, к примеру, «суверенный индивид» Коулмена мог бы существовать в интеллектуальной традиции *тавахид* («Tawhid»), — принципа единства двух миров — божественного и реального, и который рассматривается некоторыми интеллектуалами как фундаментальный принцип исламского понимания природы науки⁷⁵.

В то же время рассматриваемые нами работы по общей (глобальной) социальной теории, как мы уже отмечали, включали в себя и *экзотические примеры*: эскимосы и бедуины у Коулмена, конфуцианский Китай у Гидденса. Естественно, это добавляло некоторую *этнографическую ауру* в тексты «северных» теоретиков, но в целом никак не затрагивало *интеллектуальной сердцевины* их теорий. Они, эти теоретики, упорно не желали рассматривать идеи, поставляемые с *периферии научного мира* и с периферии в целом, как хоть какой-нибудь значащий элемент собственных теоретических конструкций.

Наиболее интегрированной в «северную» социальную теорию следует считать анализ социальных механизмов различения «нас» и «их», пролегающий сквозь все «южные» интеллектуальные традиции. Особенно важными здесь являются проблемы «большой этнографии», которые включают в себя анализ различий между обществами до-модерна и модерна. «Большая этнография», в конечном счете, приводит к понятию как особой категории «общества постмодерна» (хотя мнения всех трех теоретиков по поводу сущности такого общества сильно различаются между собой). С другой стороны, понятие «общества модерна» при этом сильно расширяется и поглощает собой все остальные типы общества. Такова, например, позиция Гидденса в его «Устроении общества», позд-

---

⁷⁵ Ghamari-Tabrizi B. Is Islamic science possible? // Social Epistemology. Vol. 10. Vol. 3-4. 1996. P. 317-322.

нее переработанная в других его книгах «Последствия модернити» и «Ускользающий мир». В конечном счете, это вылилось в широкоизвестную теорию глобализации⁷⁶.

Однако в большинстве других случаев, социальные идеи и концепции стран «Третьего мира» абсолютно чужды работам вышеупомянутых «северных» теоретиков. Их мир, — *мир метрополии*, — для них есть безусловно *высший* из всех имеющихся социальных миров.

«Большое вычеркивание»

Работа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» начинается с *устрашающего* примера казни французского фанатика-террориста Дамиенса времен монархии XVIII столетия, — который впоследствии постоянно противопоставляется у автора этого произведения другому: системе хорошо отрегулированных, размеренных, умело маскируемых дисциплиной, наказаний поздних столетий. Две различных системы наказаний, замечает Фуко, определили две эпохи методов борьбы с преступлениями. С середины XIX в. система наказаний стала более утонченной и замаскированной: «пенитенциарные практики трансформировались в более скрытные (*reticent*). Они уже не затрагивали, по возможности, физическое тело осужденных и не наносили ему вред»⁷⁷.

В этом и других своих пассажах Фуко замечает, что *данное изменение* имело место «в Европе и Соединенных Штатах». Насчет *других регионов*, — у Фуко нет никаких ссылок, — однако сам текст работы неявно не делает для них никаких исключений. Но если бы Фуко действительно бы изучал пенитенциарные практики колоний, то его выводы оказались бы ошибочными. И через сто лет после казни Дамиенса, когда, по мнению Фуко, система наказаний стала уже более утонченной и гуманной, британские колониальные войска казнили примерно такими же зверскими способами множество индийцев во время восстания сипаев в Индии 1857-1858 гг. Они делали это публично, открыто и предельно жестоко: широко применялось повешение, расстрел из пушек и нанесение телесных увечий. Публичность, коллективность, «театральность» наказаний были излюбленным способом колониальной техники управления Англии и Франции вплоть до двадцатого столетия. Еще один подобный пример дает бойня в Сетифе и Кейрутии, учиненная французскими войсками в Северной Африке в 1945 г., вскоре после освобождения ее от немецких войск фельдмаршала Роммеля⁷⁸.

---

⁷⁶ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990; Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. London, 2002.

⁷⁷ Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York, 1977. P. 7, 11.

⁷⁸ David S. The Indian Mutiny, 1857. London, 2002. P. 145-146.

Та же самая *грубая военная сила* ныне используется западными военными контингентами против мусульманского населения в Афганистане и Ираке. Эти операции разрушают другие общества и свергают правительства других стран, — и все это под предлогом *возмездия* за террористическую атаку на Всемирный торговый центр в 2001 г. Американский штурм иракского города Фаллуджа (Falluja) в 2005 г. привел к убийствам сотен неповинных мирных жителей, — это был также акт возмездия за убийство четырех американских граждан. «Убивай и внушай страх! (Shock and awe!)» — таким слоганом можно охарактеризовать современную агрессию США против Ирака, и это будет неплохое определение для того, что Фуко подразумевал под «пенитенциарными практиками» XVIII в.

Колониальная война как *социальный институт* тщательно «вычеркнута» из «Логики» Бурдьё. Хотя следует подчеркнуть, колониальные отношения всех типов еще далеко не ушли из настоящего. Сама модель взаимодействия двух культур в случае колониальной экспансии никак не моделируется ни социальной теорией Бурдьё, ни социальной теорией Коулмена. Ее также нет ни в социологическом функционализме, ни в антропологическом структурализме, ни в этнометодологическом понятии «всезнающего актора», которое широко использует Гидденс в своей модели «агента».

В исследовании проблем политики в колониальном или постколониальном обществе нам не дадут ничего позитивного крайне *де-политизированное* понимание власти Гидденсом и Коулменом или используемые ими теории социального и экономического обмена. Наивной, если не смехотворной, представляется нам попытка Коулмена описать рабство посредством *теории рационального выбора*, где раб рассматривается в качестве *свободного агента*, «покупающим» у рабовладельца себе право на жизнь.

«Вычеркивание» колониальных процессов и колониальной экспансии из социальной теории является обычным делом для ученых метрополии. Таким способом ими конструируется некая *ортодоксия* в социальной мысли, — которую мы рассматриваем как попытку «вычеркнуть» империализм из социологической мысли в целом под видом *торжества* эпохи «модернити».

Возможно, ситуация требует еще более радикальной смены представлений. Когда мною обсуждался текст Коулмена, там присутствовал анализ *безличного однородного социального пространства*, и я предположил, что такое пространство определено где-то имеется. И оно действительно имеется: но не в Европе, а в Америке и Австралии, — примерами могут быть города Чикаго и Сидней.

Чикаго — это пример города-«фронтiera», города-«поселения», города колониальной экспансии США на Запад, — в результате которой было уничтожено большинство местного населения. Сидней — также город, — порт, через который осуществлялась британская колонизация Австралии. По британским законам Австралия долгое время считалась *terra nullius*, — «ничейной землей». Таким образом, это фактически и юридически закрепляло претензии британской короны на австралийскую территорию. А право местного населения, аборигенов Австралии, на *их же* землю при этом просто-напросто игнорировалось⁷⁹.

Terra nullius, — «ничейная земля», — это есть мечта колонизатора, но одновременно то, что творит *зловредный дух* во всякой социальной науке. Когда мы осмысливаем те или иные социальные институты и системы, мы всегда это делаем уже в «заполненном», «напичканном» эмпирическими данностями социальном пространстве. Никакого *чистого, абстрактного социального пространства* быть не может, и потому, когда я буду конструировать свою собственную социальную теорию, то неминуемо наткнувшись на то обстоятельство, что это «пространство» уже было кем-то *занято до меня*.

Глядя на «юг»: перспективы «южной» социальной теории

Выше, рассматривая работы трех наиболее известных социальных теоретиков Запада, я уже указал на некоторые *проблемные черты* их теоретических построений. Теперь же следует поставить вопрос об *альтернативе*. Должны ли мы провозгласить в качестве *универсальных и всеобщих* социальные теории западных ученых, должны ли мы продолжать двигаться в одном направлении, и игнорируя опыт большинства человечества, строить социальную теорию в пространстве *terra nullius*?

Я полагаю, это *ложный путь*. Мы уже имеем некоторый материал для альтернативы, — особенно если хорошо покопаться в текстах самих «северных» теоретиков. Там есть множество онтологических и эпистемологических моментов, через которые может пролиться свет на *иные, совсем неожиданные* перспективы развития общей (глобальной) социальной теории.

Альтернативу «северной» социальной теории составляет «южная» социальная теория, — которая, правда, не существует в качестве унифицированной доктрины. Но это вовсе не значит, что такая теория *не имеет права на существование*. Одна из ключевых проблем «северной» социальной теории заключается в том, что ее представители видят себя *монополистами* в поиске теоретических истин об обществе. Возможно, они даже *воплне искренне* верят в это, однако, как мне кажется, серьезное фундамен-

---

⁷⁹ Make a Better Offer: The Politics of Mabo / Ed. by Goot M., Rowse T. Sydney, 1994.

тальное исследование, — теоретическое, практическое или эмпирическое, должно предполагать, что таких истин может быть не одна, а *множество*.

С этой точки зрения, в социологии и социологической теории может существовать множество различных интерпретаций и направлений. Например, сюда имеют права на вхождение уже упоминавшиеся исламские дискуссии о проблеме «модернити». Другой случай — это обсуждение в среде африканских социальных ученых проблемы «естественных знаний аборигенов» (*indigenous knowledge*) и возможности «Африканского ренессанса». Третий пример — дискурс проблемы автономии, зависимости (*dependence*) и глобализации среди латиноамериканских ученых. Четвертый случай — это феминистская критика международной гегемонии стран-метрополий в целях развития диалога между различными направлениями феминистской социальной мысли. Пятый пример — это дискуссии индийских ученых (например, Ашиса Нанди) по проблемам культуры, интеллектуальной свободы и общественного развития⁸⁰.

Этот список, безусловно, незакончен, но уже даже он может служить указанием на огромное *интеллектуальное богатство* возможных социально-теоретических изысканий в странах «Третьего мира».

Все теоретические стратегии и результаты, изложенные в рассмотренных нами выше «северных» теориях, должны быть так или иначе проверены повседневной практикой этих стран. Они также не должны быть единственным способом концептуализации общей (глобальной) социальной теории вообще. Если они претендуют на нечто большее, то их можно рассматривать только как *специфический тип* подобной теории, — как социальную теорию «метрополии», — и не более того; очевидно, что мы имеем дело с *теоретической* гегемонией, — говоря иначе, с «научной метрополией» в области социальной теории. Если это действительно так, то можно поставить вопрос о необходимости социальной борьбы (*social struggle*) других ученых с таким видом метрополии: ведь конечная наша цель — это максимально *демократизировать* саму сферу научного знания об обществе⁸¹.

Очевидно, что не все пути наук об обществе, — это пути *научной метрополии*. Понятно, что на *других путях* этих наук мы также можем иметь массу *своих собственных проблем*. Но почему ученые из стран-периферии должны следовать исключительно «северной» социальной теории? Это для нас совершенно непонятно! Даже в отношении *некоторых своих ра-*

---

⁸⁰ Напр.: Nandy A. *Bonfire of Creeds: The Essential Ashis Nandy*. New Delhi, 2004.

⁸¹ Это не новая идея, см. напр.: *Lindqvist S. Grdv där du star: Hur man utforskar ett job.* Stockholm, 1978.

бот я сам буду вынужден признать факт интеллектуального господства над ними трудов «северных» теоретиков; например, это было видно по моей работе — «Гендер и общество», изданной в 1987 году, — большинство примеров и теоретических положений были взяты именно из их работ. Но также ясно и следующее: когда ученые стран «третьего мира» начинают мыслить теоретическими шаблонами «Севера», они испытывают *большие трудности* в отношении *интерпретаций* социальных проблем собственных регионов. Пример: обсуждение концептуальных проблем «австралийской социологии» в недавнем сборнике, вышедшем под редакцией Джона Гермова и Тары Макги⁸².

Поставим также вопрос с другой стороны: могут ли ученые стран метрополии избежать *дефектов* своих социальных теорий, описанных в данной статье? Да, могут. Но это, в свою очередь, наложит на них *тяжелые моральные обязательства*, включая необходимость радикально переосмыслить культурный опыт своих стран, а также серьезную возможность лишиться профессиональной поддержки со стороны своих коллег (например, в связи с отказом от цитирования *обязательного списка* работ «северных» теоретиков, — тех теоретиков, что составляют своеобразный «мэйнстрим» теоретической мысли Запада). Другая трудность — это необходимость войти в *диалог* с «третьим миром», — составляющим, как известно, *подавляющее большинство человечества*, — необходимость, влекущая за собой как сложности языковых контактов, так и другие личные и социальные проблемы, связанные с подобной коммуникацией.

В этой статье, как уже было видно выше, я в основном оперировал моделью «метрополия — периферия». Оба термина в этой дихотомии, как мне кажется, достаточно непросты в своем истолковании. Производство социальных теорий в странах периферии будет также *различным*: одно дело — это богатая Австралия и схожие с ней по типу государства, другое дело — бедные страны, — к примеру, расположенная рядом с Австралией Индонезия. Такое различие примерно соответствует двум типам периферийных государств: одни из них (как Австралия) олицетворяют тип «поселенческого колониализма» (*settle colonialism*), другие есть продукт насильственных завоеваний с целью выжимания из них торговой прибыли (*commercially driven colonialism*); естественно, мы имеем здесь две совершенно непохожие друг на друга исторические траектории. Социальная теория таких ученых, как Ашис Нанди, опирается на богатую интеллектуальную традицию (в данном случае — идущую еще из филосо-

---

⁸² Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge, 1987; Histories of Australian Sociology / Ed. by Germov J., McGee T. Melbourne, 2005.

фии Древней Индии), а социально-теоретические конструкции современных мыслителей Южной Африки и Австралии, наоборот, ничего подобного не имеют⁸³.

С точки зрения ученых периферийных стран, «метрополия» во всех ее смыслах часто ведет себя как *военный* или *политический* «блок» (типа НАТО), жестко отстаивая свои «привилегии» перед другими странами. Но в этой «метрополии» также есть своя иерархия, свои «исключения» и своя борьба за легитимность. Это хорошо можно показать на примере одного из ведущих «северных» социальных теоретиков – Пьера Бурдьё: *почти головокружительная карьера*: из отдаленного французского захолустья (Алжир) к почетному месту в одном из престижных французских университетов в Париже. И это не должно нас особенно удивлять: такие «скачки» в социальной иерархии – *излюбленная тема* всей социологии интеллектуального класса по обе стороны Атлантики, – о чем, например, авторитетно заявляют Камик и Гросс в своей «Новой социологии идей»⁸⁴. Освещение в научных книгах различных типов *внутренней социальной иерархии*, – например, дискриминации негритянского населения в США или иностранных рабочих в Европе, также могут служить примером того, как подобная «метрополия» оперирует глобальным производством научного знания.

С этих точек зрения хорошо видно, насколько велики трудности реализации предлагаемого нами глобального проекта – конструирования «южной» социальной теории. Но должны ли мы делать иной выбор? Мы склонны полагать, что проект создания «северной» социальной теории, – социальной теории «метрополии», – чьими *вершинами* явились весьма глубокие и солидные работы Коулмена, Гидденса и Бурдьё, – уже исчерпал резервы внутреннего роста. Все проблемы, поставленные нами в этой статье, *уже не могут быть решены* только в рамках «северной» интеллектуальной традиции развития социально-теоретической мысли.

В то же самое время социальные науки как некая *культурная сила* весьма нуждаются в том, чтобы отказаться от исключительно *неолиберальной* постановки насущных мировых проблем, и пересмотреть существующие структуры доминирования и власти, – как в их политическом, так и в экономическом аспекте. Социальная теория представляет собой существенную часть того, что делает социальные науки этой *культурной*

---

⁸³ См напр. африканский случай: *Gilomee H. Survival in Justice: An Afrikaner Debate over Apartheid // Comparative studies in Society. Vol. 36. № 3. 1994. P. 527-548.*

⁸⁴ *Camic C., Gross N. The New Sociology of Ideas // Blackwell Companion of Sociology / Ed. by Blau J. Cambridge, 2001.*

*силой. Новые реалии современного мира отчетливо оппозиционируют имеющемуся факту доминирования в теоретической мысли «северной» социальной теории. У нас нет выбора, кроме одного: бесстрашно преодолеть все трудности конструирования новой общей (глобальной) социальной теории в условиях глобального мира*⁸⁵.

Перевод и вводный текст к.филос.н. А.М. Орехова

---

⁸⁵ Историческое значение социологии в период неолиберального доминирования в мире см.: *Connell R. Sociology and World Market Society // Contemporary Society. Vol. 29. Vol. 1. 2000. P. 291-296.*
